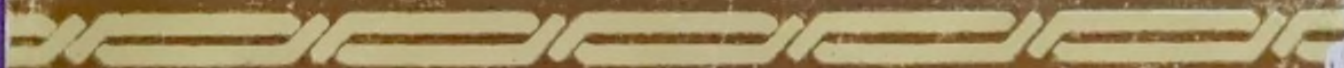

К83,31-8
К 28

В. Касторский

**ПИСАТЕЛИ
КОСТРОМИЧИ**

В. КАСТОРСКИЙ

**ПИСАТЕЛИ
КОСТРОМИЧИ**

(XVIII - XIX В.В.)

КОСТРОМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 5 8

ОТ АВТОРА

Кроме печатных материалов, в этой книге использованы неопубликованная переписка С. В. Максимова с А. Н. Макаровым, а также рассказы о Ю. В. Жадовской жительницы г. Костромы Е. М. Романовой, лично знавшей поэтессу, семейные предания о П. А. Катенине, сообщенные автору одним из потомков писателя — Л. М. Катениной. Ценные сведения дали также директор Чухломского музея Г. И. Лебедев, бывший директор Буйского музея П. М. Друлис, бывший директор Кологривского музея П. А. Камайский. Всем этим товарищам приношу глубокую благодарность.

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Писатели-костромичи XVIII—XIX веков внесли значительный вклад в развитие русской национальной литературы. Изучение их биографий и творчества представляет несомненный интерес и имеет большое познавательное значение. В своих произведениях они давали мрачные картины дореволюционного прошлого, яркие примеры борьбы нашего народа за светлое будущее. Вместе с тем раскрытие биографических и творческих связей писателя с краем заставляет другими глазами смотреть на те места, здания, памятники, мимо которых раньше проходил равнодушно и которые теперь наводят на глубокие размышления. Все это способствует более глубокому изучению и лучшему пониманию творчества писателя. Уместно напомнить в связи с этим высказывание великого немецкого поэта Гете: «Кто хочет понять поэта, должен отправиться на его родину».

Знакомство с творчеством местных писателей, показавших жизнь костромичей в прошлом, помогает лучше увидеть завоевания Великого Октября, способствует воспитанию любви к социалистической Родине.

В настоящей книге я даю материалы о писателях-костромичах XVIII—XIX столетий. При этом более подробные сведения в форме отдельных глав сообщаю только о тех крупных писателях, которые и своей

жизнью, и значительной частью своего творчества связаны с костромским краем. Об остальном ограничиваюсь краткими сведениями в данной обзорной главе. В этой же главе считаю необходимым коснуться и тех писателей, которые, не будучи костромичами, имели то или иное отношение к Костроме или отразили в некоторых своих произведениях природу и жизнь населения нашей области. Сознательно опускаю главу об А. Н. Островском, так как о его связи с костромским краем написано фундаментальное исследование проф. Ревякиным¹.

Я не ставлю перед собой задачу углубленного литературоведческого анализа творчества писателей-костромичей, а хочу сообщить лишь самые необходимые критико-биографические сведения о них.

* * *

История литературной жизни Костромы и области, как в зеркале, отражает историю передовой русской литературы, ее основные этапы и направления. Литературные связи нашей области с общероссийской литературой были значительно обширнее, чем у многих других областей нашей страны. Эти связи выражались прежде всего в том, что здесь родились, жили и писали свои произведения некоторые известные русские писатели. Кострома дала крупных представителей во всех областях художественной литературы и литературной критики. Кроме того, многие из выдающихся русских писателей использовали в своем творчестве костромской материал, отразили картины природы, экономику и быт населения костромского края.

В XVIII веке создание и укрепление русского национального государства сопровождалось созданием и укреплением русской национальной литературы. Русский народ в это время выделяет из своей среды много ярких, самобытных писателей. В основном это были представители господствующего класса земле-

¹ А. И. Ревякин. А. Н. Островский в Щелькове, Костромское книжное издательство, 1957.

владельцев-дворян, и общенациональная направленность русской литературы в значительной мере ограничивалась ее классовым, дворянским характером. Но в последней трети XVIII века, в связи с обострением классовых противоречий, развитием крестьянского движения в России, в нашей литературе усиливаются демократические, обличительные тенденции. Вместе с тем в ней начинает развиваться реализм. Передовые писатели начинают уделять значительное внимание изображению жизни народных масс, разоблачению вельмож, помещиков-крепостников, чиновников-взяточников.

Эти новые веяния нашли отражение и в творчестве писателей-костромичей. К этому времени относится жизнь и творчество А. О. Аблесимова (1742—1783), родом галичанина, написавшего комическую оперу из русской народной жизни «Мельник — колдун, обманщик и сват», пользовавшуюся в свое время огромным успехом и в известной мере отразившую жизнь костромского крестьянства.

Особенно большого развития литературное движение в костромском крае достигло в XIX веке. Можно смело утверждать, что все три главных этапа русского освободительного движения (дворянский, буржуазно-демократический и пролетарский), которые были отмечены В. И. Лениным¹, нашли то или иное отражение в творчестве писателей-костромичей².

Литература дворянских революционеров-декабристов имела в нашем крае яркого представителя в лице П. А. Катенина (1792—1853).

К первой трети XIX века относится также творчество писателя-костромича Павла Петровича Свинына³, который оставил определенный след в истории русской литературы. Свинын (1788—1839) был

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 20, стр. 223.

² Ограничивая себя рамками XIX столетия, мы не будем говорить о костромских пролетарских писателях (Соловьеве-Нелюдиме, Логинове и др.), так как их литературная деятельность развернулась уже в текущем столетии.

³ Упоминаю о нем как об одном из первых костромских краеведов.

сыном галичского дворянина. Ему принадлежала усадьба Богородское, в 5 километрах от Галича. В молодости он служил в министерстве иностранных дел и путешествовал по Западной Европе и Северной Америке. Результатом этих его путешествий был ряд книг, в том числе «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» (1815 г.).

П. П. Свиньин был своеобразной личностью: публицист, журналист, историк, этнограф, археолог, писатель, художник. Он много путешествовал по России. Описанию этих путешествий он посвятил серии очерков, в частности сборник «Картины России и быт ее разноплеменных народов». В последнем был помещен очерк «Галич», в котором дано подробное описание Галича первой четверти XIX века, быта его населения, с приложением рисунков. Свиньин написал также два исторических романа: «Шемякин суд» и «Ермак, или покорение Сибири». Первый из них создан на галичском материале. В нем описана борьба галичского князя Дмитрия Шемяки с московским князем в XV веке. Но литературных достоинств эти романы не имеют. Некоторой заслугой Свиньиного в истории русской литературы и журналистики было основание им в 1818 году журнала «Отечественные записки».

Свиньин подвергался резкой и справедливой критике со стороны своих современников, в частности А. С. Пушкина, за склонность к преувеличениям, к хвастовству. Есть предположение, что в основу сюжета комедии «Ревизор» Н. В. Гоголь положил происшествие, случившееся со Свиньиным во время его путешествия по Бессарабии, о чем Гоголю рассказал А. С. Пушкин.

Из других писателей-костромичей того же времени следует упомянуть Николая Федоровича Грамматина (1786—1827). Он родился в Костроме. Образование получил в Московском университетском пансионе. Учась там, начал писать стихи и печатал их в «Вестнике Европы», «Сыне Отечества», «Цветнике». В 1809 году он получил степень магистра словесных наук за сочинение «О древней русской словесности». Вскоре он был назначен директором училищ Костромской губер-

нии, и оставался на этом посту в течение 8 лет. В 1811 году Грамматин напечатал сборник стихотворений «Досуги». В 1823 году был напечатан его перевод величайшего памятника древней русской литературы — «Слова о полку Игореве» с критическими и историческими примечаниями. Изучению «Слова» он посвятил 15 лет своей жизни. Последние годы жизни Грамматин провел в сельце Гуленове, Нерехтского уезда.

С Костромской губернией имели связь и великие русские писатели первой половины XIX века Грибоедов, Пушкин, Лермонтов.

В большей степени это относится к А. С. Грибоедову. Во-первых, у его матери было здесь поместье в Кологривском уезде, состоявшее из деревень Пустошка, Свинкино, Глебово, Федяково, Кривцово, Демидово, Гридькино и др. (теперь это территория Нейского района). Настасья Федоровна Грибоедова была жестокой помещицей. Она установила в своих костромских деревнях такие суровые порядки, что доведенные до отчаяния крестьяне этих деревень в 1816—1819 годах начали борьбу. Для усмирения мятежа костромскому губернатору пришлось в конце концов послать воинскую команду в составе 700 человек. Над восставшими была учинена жестокая расправа. У Грибоедова жестокость матери-крепостницы вызывала гневный протест; на этой почве между сыном и матерью происходили столкновения. Можно предполагать, что в антикрепостнических мотивах, которые звучат в комедии «Горе от ума», в известной мере отразились переживания писателя, вызванные жестоким обращением его матери с крепостными. Связь с Костромской губернией у Грибоедова была и по другой линии. Здесь в 20-х годах XIX века жил на положении ссыльного в своей усадьбе, в том же Кологривском уезде, один из ближайших его друзей — П. А. Катенин, с которым Грибоедов вел оживленную переписку и которому он посылал сюда в 1824 году рукопись своей комедии «Горе от ума» на отзыв. Судя по письмам к Катенину, Грибоедов интересовался костромским краем, очень хотел побывать в Костроме, но осуществить свое намерение не смог.

Некоторая связь с Костромской губернией была и у А. С. Пушкина. В Костроме в 20-х годах XIX века жил один из родственников Пушкина — Александр Юрьевич Пушкин. Через него поэт был осведомлен о костромской жизни. С другой стороны, через Александра Юрьевича получал сведения о жизни Пушкина его друг П. А. Катенин. В дер. Колотилове, Чухломского района, где жил Катенин, сохранилось предание, что якобы А. С. Пушкин впоследствии, в начале 30-х годов, навещал Катенина в его усадьбе. Впрочем, это предание не имеет достаточного исторического основания¹.

Род другого великого поэта — М. Ю. Лермонтова — был костромским. Предок Лермонтова Георг (Юрий) Лермант, перешедший в начале XVII в. на русскую службу, был пожалован поместьем в б. Галичском уезде. Лермонтовы владели рядом деревень на территории нынешнего Чухломского района: Усольцево, Черемисино, Ревякино, Привалкино, Семенково, Копылово, Острожниково и др. В Острожникове находилась и их родовая усадьба. Сыновья владельца Острожникова Н. П. Лермонтова, родственника поэта, — В. Н. и Д. Н. Лермонтовы, жившие в Петербурге, были очень дружны с поэтом² и, по преданию, один из них сопровождал прах убитого поэта из Пятигорска в с. Тарханы.

Второй период в истории русского освободительного движения, период разночинский, или буржуазно-демократический, отразился в творчестве таких писателей-костромичей, как А. Н. Плещеев, А. Н. Островский, Ю. В. Жадовская, В. А. Зайцев.

Имя Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893) близко и дорого советским людям, как имя поэта-петрашевца, поэта-демократа, соратника Некрасова. А. Н. Плещеев родился 4 декабря 1825 года в Костроме, в старинной дворянской семье. Но через 2 года семья Плещеевых переехала в Нижний Новгород и в Кострому не возвращалась, так что г. Кострома

¹ В деревне Новинка, теперешнего Островского района, была усадьба родственников великого поэта — Пушкиных.

² Э. Гард. Потомки поэта, «Огонек», № 25, 1939 г.

и губерния не нашли непосредственного отражения в творчестве Плещеева. Однако в истории русской поэзии он сыграл настолько значительную роль, что костромичи имеют право гордиться своим земляком.

В первый период своего творчества (в 40-е годы) Плещеев был выразителем социально-утопических идей петрашевцев. В его стихотворениях слышалось недовольство и возмущение окружающей социальной действительностью, косностью и бессердечием дворян (стихотворения «Дума», «На зов друзей»), мотивы служения общественному благу, проповедь переустройства мира («Сон», «Поэту»). Одно из этих стихотворений — «Вперед! Без страха и сомнения!» — стало программным для петрашевцев и впоследствии превратилось в одну из популярных песен русской революционной молодежи. В 1849 году, после разгрома кружка петрашевцев, Плещеев был арестован, посажен в Петропавловскую крепость и приговорен к «лишению всех прав состояния» и отдаче на военную службу в отдельный оренбургский корпус рядовым.

По возвращении из оренбургской ссылки Плещеев стал сотрудничать в «Современнике». Политические симпатии его в это время были на стороне русской революционно-демократической интеллигенции, на стороне Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, с которыми он устанавливает дружеские связи. В период с 1858 по 1863 год поэт выпускает три сборника стихотворений. Несмотря на некоторую расплывчатость, в этих стихотворениях довольно отчетливо звучат демократические и гуманистические мотивы. Плещеев изображает городскую бедноту и обездоленное крестьянство, разоблачает либералов, выражает горячую любовь к родине и угнетенному народу.

Добролюбов, Чернышевский и Салтыков-Щедрин в своих критических статьях давали в основном положительную оценку поэзии Плещеева, особенно выделяя ее высокий гражданский пафос. В частности, Салтыков-Щедрин называл Плещеева «гуманитарным лириком» и отмечал в нем «все данные таланта скромного, но честного и искреннего». В то же время великие ре-

волюционные демократы упрекали поэта за наличие либерально-примирительных тенденций в его поэзии.

В течение последних 20 лет своей жизни А. Н. Плещеев пишет много стихов для детей и юношества и работает над переводами. До конца своей жизни он оставался верен своему призванию гражданского поэта. Призывы к служению народу, к борьбе за его лучшее будущее проходят красной нитью через всю поэзию Плещеева. Большое место в его творчестве занимает пейзажная лирика, замечательные стихи о русской природе («Весна», «Мой садик», «Скучная картина», «Летние песни» и др.). Выдающиеся русские композиторы Мусоргский, Чайковский, Рубинштейн, Аренский создали на основе стихотворений Плещеева ряд песен и романсов.

Отголоски революционно-демократических идей 60—70-х годов находим мы и в творчестве Юлии Валериановны Жадовской (1824—1883), русской поэтессы, жизнь и творчество которой в большей своей части связаны с Костромской областью.

Довольно ярким представителем демократического лагеря 60-х годов в области литературной критики и публицистики был костромич Варфоломей Александрович Зайцев (1842—1882), последователь и товарищ Д. И. Писарева. Он родился в Костроме, в семье мелкого чиновника. Учился в Петербургском университете на юридическом факультете, затем в Московском — на медицинском. Материальная нужда и необходимость содержать мать и сестру заставили его в 1862 году выйти из университета до окончания курса. В том же году, снова переехав в Петербург, Зайцев начал сотрудничать в одном из передовых русских журналов того времени, в журнале «Русское слово», сначала в качестве рецензента в «Библиографическом листке», затем в качестве критика и публициста. Статьи и рецензии его, написанные ярко, смело, порою парадоксально, доставили ему большую популярность и имели сильное влияние на молодежь.

В 1866 году, после покушения Каракозова на царя Александра II, Зайцев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в «развра-

щающем» влиянии его статей на молодежь. Здесь он просидел 4 месяца. Полицейские и цензурные притеснения и болезнь заставили его в 1869 году эмигрировать за границу. Здесь он вступил в I Интернационал, сблизился с Бакуниным. С 1877 года стал одним из главных сотрудников издававшегося в Женеве русского журнала «Общее дело», помещал в нем резкие статьи против царского самодержавия. Изредка он печатался также в «Неделе», в «Отечественных записках», «Деле». Много занимался переводами произведений западноевропейской художественной литературы. Умер в Швейцарии.

Публицистические статьи Зайцева сыграли значительную роль в разоблачении самодержавно-крепостнического строя царской России. Но Зайцев не понимал значения классовой борьбы в развитии общества, не знал правильного пути к освобождению народа. Как и Д. И. Писарев, он основным средством улучшения положения народных масс считал распространение образования, главным образом естественных наук. Искусство Зайцев считал не только бесполезным, но даже вредным. Он нигилистически относился к Пушкину и Лермонтову. Из западноевропейских поэтов ценил Гейне, из русских — Некрасова, называл последнего «мыслителем глубоким и честным».

Особое место среди писателей-костромичей второй половины XIX века занимают Алексей Феофилактович Писемский и Сергей Васильевич Максимов. Не принадлежа к революционно-демократическому лагерю, они в своих произведениях дали яркие и правдивые картины жизни народных масс Костромской губернии.

Это же в известной степени относится и к А. А. Потехину, имя которого принадлежит к числу незаслуженно забытых. Алексей Антипович Потехин (1829—1908) родился в г. Кинешме (Кинешма была уездным городом Костромской губернии). В Кинешме же прошло его детство. Среднее образование он получил в Костромской гимназии, а высшее — в Ярославском Демидовском лицее. В начале 50-х годов он служил в Костроме чиновником особых поручений при губерна-

горе. В это время он познакомился с А. Ф. Писемским, который тогда тоже служил в Костроме, в губернском правлении. По служебным делам Потехину довольно часто приходилось выезжать в уезды Костромской губернии, сталкиваясь непосредственно с жизнью различных слоев населения, в частности крестьянства. Все это дало ему богатый материал для литературного творчества. Литературную деятельность Потехин начал в 1851 году с театральной хроники в «Московских ведомостях». Здесь же были напечатаны его этнографические очерки: «Путь по Волге», «Уездный городок Кинешма». В первом из них дано, между прочим, интересное описание г. Костромы и быта приволжского населения Костромской губернии. Здесь мы находим описание волжского судоходства, типы волгарей, яркие картины природы.

В 1852 году Потехин стал печататься в «Современнике». Первым драматическим произведением его была драма из крестьянской жизни «Суд людской — не божий», которая была поставлена в 1854 году на сцене Александринского театра в Петербурге. Затем последовал еще ряд пьес из крестьянской жизни («Шуба овечья — душа человечья», «Чужое добро в прок нейдет») и из жизни дворян и чиновников («Мишура», «Отрезанный ломоть», «Вакантное место»), которые имели большой успех на сцене, но навлекли на Потехина гонения со стороны цензуры, так как написаны были в духе натуральной школы и носили обличительный характер. Драма «Шуба овечья — душа человечья» находилась под запрещением 12 лет, комедия «Мишура» — 4 года, пьеса «Вакантное место» совсем не была разрешена к печати.

В 1856 году Потехин, как и другие писатели-костромичи (А. Н. Островский, Писемский, Максимов), принимал участие в литературно-этнографической экспедиции, изучал быт и нравы жителей Поволжья. В 50—60 годах, кроме пьес, он написал ряд рассказов и повестей из крестьянской жизни: «Тит Софроныч Казанок», «Крестьянка», «Порченная», «Бурмистр», «Крестьянские дети» и др. В эти же годы он пишет ряд романов, обличающих дикость барства. Таков роман

«Бедные дворяне», изображающий старинную дворянскую семью с приживальщиками и шутами. Таков же роман «Крушинский», в котором осмеивается дворянское чванство и с симпатией нарисованы образы разnochинцев.

Во многих произведениях Потехин показывает костромскую деревню своего времени, проникновение в нее капитализма, разорение крестьянства, дает типы фабричных рабочих из крестьян. В художественном отношении романы и повести Потехина слабее его пьес.

Прогрессивные настроения, свойственные Потехину в 50—60-х годах, постепенно ослабевают, и к 80-м годам от них ничего не остается. В 1881 году он был назначен начальником репертуарной части императорских театров и повел театральное дело по пути безыдейной, развлекательной драматургии, что вызвало справедливую резкую критику со стороны великого русского драматурга А. Н. Островского.

А. А. Потехин не сумел подняться до высот критического реализма, но его лучшие произведения, особенно пьесы, сыграли в свое время значительную роль в разоблачении крепостного строя и нарождавшегося капитализма, а также в развитии русской драматургии. Недаром отдельные его пьесы получили положительную оценку со стороны строгого и глубокого критика — Н. А. Добролюбова. Оценивая пьесу Потехина «Мишура», Добролюбов назвал ее «комедией, имеющей серьезное значение, произведением, замечательным по своей силе»¹. А о главном герое комедии, советнике губернского правления Пустозерове, Добролюбов писал: «Характер Пустозерова развит действительно с замечательным искусством. Каждое слово его и каждое слово о нем рассчитано в пьесе изумительно ловко»².

Писателем был и брат Алексея Антиповича Николай Антипович Потехин (1834—1896). По окончании университета он служил акцизным чиновником особых

¹ Н. А. Добролюбов. Сочинение в 3 томах, т. 1, М., 1950, стр. 570.

² Там же, стр. 572.

поручений. За сношения с русскими эмигрантами в Лондоне был подвергнут аресту и заключению в крепости, но вскоре освобожден. Оставив службу, занялся литературной деятельностью. В 1859 году в журнале «Русское слово» были напечатаны его повесть «Бес-таланный» и очерк «Родительская суббота». Затем он стал постоянным сотрудником журнала «Искра». Печата- л здесь свои статьи и очерки («На нижегородской ярмарке», «Выборное начало» и др.). Писал он также драмы и комедии. Некоторые из них были напечатаны в «Отечественных записках». Отдельные пьесы его при- обрели в свое время известность («Злоба дня», «Мерт- вая петля», «Богатырь века», «Нищие духом»).

К писателям-костромичам второй половины XIX ве- ка относятся также П. П. Сухонин, Н. А. Чаев, А. А. Тихонов и В. А. Тихонов.

Петр Петрович Сухонин (1821—1884) происходил из дворян Солигаличского уезда, Костромской губер- нии. Служил во флоте. Писал романы, повести и пьесы под псевдонимом А. Шардин. Его пьеса «Русская сва- дьба в исходе XVI века» пользовалась успехом. Осталь- ные произведения его малозначительны.

Николай Александрович Чаев родился в 1824 году в Костромской губернии. По окончании Московского университета он долго заведовал в Москве Оружейной палатой. После смерти А. Н. Островского Чаев был на- значен заведующим репертуарной частью московских театров. Писал драмы и хроники из древнерусской ис- тории: «Князь Александр Тверской», «Димитрий Само- званец» и др.

Более значительным из этих писателей был Алек- сей Алексеевич Тихонов, известный под псевдонимом А. Луговой (1853—1914). Родился он в г. Варнавине, Костромской губернии, в купеческой семье. Начал ли- тературную деятельность в 1884 году со стихотворений. Первая его повесть «Не судил бог» была напечатана в 1886 году в «Вестнике Европы». За ней последовал ряд рассказов. Тихонов написал еще несколько повестей, романов, 2 пьесы. В 1895—1897 годах он был редак- тором популярного в свое время журнала «Нива». В рас- сказах Тихонова большое место занимает жизнь кре-

стьянства. Но известность Тихонов приобрел не рассказами, а романами и повестями: «Pollice verso» («Добей его», 1891 г.), «Грани жизни» (1892 г.), «Между двух смутных идеалов» (1894 г.). В них отразились настроения русской интеллигенции в период разгула политической реакции 80-х годов XIX века. Главный герой этих произведений — талантливый, но слабо-вольный интеллигент, которому «свершить ничего не дано».

Брат Алексея Алексеевича, Владимир Алексеевич Тихонов, тоже был писателем. Писал рассказы, повести, романы, комедии, но они не имели большого значения.

Из великих представителей революционно-демократической литературы XIX века широко и ярко отразил жизнь населения бывшей Костромской губернии Н. А. Некрасов. Сельцо Грешнево, где прошли детство и юность поэта, находилось на большой дороге из Ярославля в Кострому, в нескольких километрах от границы Костромской губернии. Благодаря этому еще в ранние годы Некрасов имел возможность познакомиться с жизнью костромского крестьянства. А когда Некрасов, став поэтом, приезжал летом в родные края, он навещал Кострому и любил охотиться в лесах и на лугах по берегам реки Костромы. Здесь у него было немало знакомых среди местных крестьян. От них он слышал рассказы о горькой жизни под властью помещиков и чиновников, о борьбе крестьян с угнетателями; с их слов записал местные народные предания, песни, пословицы и поговорки, которые использовал в своем творчестве. В частности, много этого материала Некрасов получил от крестьянина д. Шоды, Костромского уезда (теперь Костромской район), Гаврилы Яковлевича Захарова, с которым часто охотился. Между ними установились теплые, дружеские отношения. Одну из лучших своих поэм «Коробейники» (1861 г.) поэт посвятил именно ему «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу». В посвящении к поэме он писал:

«Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,

Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?
Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.
Не побрезгуй на подарочек!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять».

В основу сюжета этой поэмы Некрасов положил действительное происшествие (убийство коробейников), случившееся в Мисковской волости, Костромского уезда, и рассказанное Некрасову Гаврилой Яковлевичем. Эта поэма примечательна и тем, что в ней дана краткая характеристика Костромской губернии:

«Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески зыбучие».

На костромском материале написано Некрасовым всем известное стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы». Здесь описана природа прилегающей к Костроме местности (Мисковской волости), где Некрасов охотился. Упоминается деревня Малые Вежи. Дедушка Мазай — не вымышленное лицо. Это тоже костромской крестьянин, приятель Некрасова по охоте. Потомки дедушки Мазая живут и сейчас в Костромском районе под фамилией Мазайкиных (в мемориальном музее Некрасова в Карабихе есть их фотографии).

Даже основное произведение великого поэта, поэма «Кому на Руси жить хорошо», построено в значительной мере на костромском материале. Это особенно относится ко второй части поэмы («Крестьянка»). В ней описывается жизнь костромских крестьян при крепостном праве и их борьба с помещиками. Савелий, богатырь святорусский, жил в Буйском уезде, на р. Кореге. За расправу над барским управляющим Фогелем он сидел в остроге «в Буй-городе». После смерти Демущки Савелий ушел в Песочный монастырь (он нахо-

дился в Костромском уезде). Есть предание, что в основе рассказа Савелия о расправе с Фогелем лежит действительное событие, происшедшее в Буйском уезде в половине XIX века. Муж Матрены Тимофеевны — «Филипп Корчагин — питерщик, по мастерству — печник». «Питерщиками» назывались крестьяне Костромской губернии (Галичского, Чухломского, Буйского уездов), уехавшие с весны в Петербург на отхожий промысел («Филипп на Благовещенье ушел»). Таким образом, Некрасов отразил характерное именно для части костромского края явление и показал, как все сельскохозяйственные работы ложились здесь на плечи женщин. Это же он отразил и в некоторых своих стихотворениях («В полном разгаре страда деревенская» и др.).

Во 2-й части поэмы есть и еще одна подробность, говорящая о том, что она создана на костромском материале. Матрена Тимофеевна ходила хлопотать за своего мужа, сданного в солдаты, в Кострому. В главе 7-й этой части поэмы дается описание старой Костромы, с памятником Сусанину на площади. В поэме встречаются названия (несколько измененные) некоторых костромских сел и деревень и описываются происшедшие в них события. Так, шпиона Егорку Шутова крестьяне бьют по наказу «из села из Тискова», причем староста Влас поясняет: «Не ветрогоны тисковцы, давно ли там десятого пороли?» Тисково — измененное название с. Мискова, Костромского района. В черновой редакции оно прямо так и названо поэтом: «А к вам наряд из Мискова». В главе «Странники и богомольцы» упоминается село Крутые Заводы. Это тоже измененное название села Черная Заводь, Костромского района¹.

Небезынтересно отметить, что там, где любил охотиться великий поэт, где разворачивается действие поэм «Коробейники» и «Кому на Руси жить хорошо», сейчас расположены лучшие колхозы Костромской области: «12-й Октябрь», «Пятилетка», «Огородник». Первым из них руководит простая русская женщина, бывшая батрачка П. А. Малинина. При Советской власти она

¹ Сборник «Н. А. Некрасов и ярославский край», Ярославское обл. изд., 1953, стр. 167—169.

нашла «ключи от счастья женского», умелым ведением хозяйства завоевала известность и уважение не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Она — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Сталинской премии. Колхозом «Пятилетка» руководит тоже местная крестьянка А. И. Евдокимова, получившая почетное звание Героя Социалистического Труда.

А на Кореге растет и крепнет общественное хозяйство колхозов «Октябрь», «Большевик», «Заветы Ильича», «Октябрьский луч», им. Н. А. Некрасова. Корежские крестьяне живут культурно и зажиточно. В 1956 году в колхозе «Октябрьский луч» на реке Кореге была пущена в ход гидростанция и в домах колхозников загорелась лампочка Ильича. А в центре колхоза им. Н. А. Некрасова, в с. Контееве, сейчас имеется средняя школа, клуб, почта, 2 магазина, детский дом, медицинский пункт, агрономический и зоотехнический пункты. Немало корежских крестьян получило среднее и высшее образование, многие стали мастерами земледелия.

Отражение некоторых сторон дореволюционной жизни костромского края можно найти и в других произведениях Н. А. Некрасова. Так, в стихотворении «Горе старого Наума» изображается кулак Наум, владелец постоялого двора и паточного завода, который ловко эксплуатирует окружающее население, у него «округа вся в горсти». А живет он на берегу Волги, близ села Большие Соли и Бабаевского монастыря. Это была территория Костромской губернии.

В сатирической поэме «Современники» великий поэт заклеил другого эксплуататора, известного богача-миллионера В. А. Кокорева. Кокорев был родом из Солигалича, начал свою карьеру целовальником в солигаличском кабаке, разбогател на винных откупках. Ставши миллионером и жестоко эксплуатируя народ, он разыгрывал роль либерала, прикрывая свои темные дела журнальными статьями и застольными речами в похвалу «простого мужика». В своей поэме Некрасов вывел Кокорева под именем Саввы Антихристов:

«Старец, прошедший сквозь медные трубы, —
Савва Антихристов — спич говорит».

О Кокореве Некрасов упоминает и в «Медвежьей охоте», называя его «кабачным гением» (намек на его прошлое).

Кокорев попал также под огонь сатиры Салтыкова-Щедрина. В своей сатире «Скрежет зубовой» Салтыков изображает Кокорева наряду с казнокрадами, генералами Змеевищевыми и господами Обалдуевыми. Он дает ему такую краткую, но убийственную характеристику: «Его сивушество, князь Полугаров, всех кабаков, выставок и штофных лавочек всерадостный обладатель и повелитель».

Из других русских писателей второй половины XIX века, в творчестве которых нашли отражение отдельные стороны быта населения Костромской губернии, следует указать на Лескова, Засодимского и Короленко.

Н. С. Лесков (1831—1895) в своем рассказе «Однородум» (1879 г.) очень выразительно описал г. Солигалич первой половины XIX века, жизнь уездных чиновников, их взяточничество и издевательство над населением. Главный герой рассказа А. А. Рыжов не вымышленное, а вполне реальное лицо. Он служил в Солигаличе квартальным, а затем исполнял обязанности городничего¹.

В очерках П. В. Засодимского (1843—1912) «Лесное Заволжье» описаны занятия, обычаи и костюмы жителей городов Галича, Чухломы и Солигалича в 60—70-х годах XIX века. Здесь, между прочим, изложена народная легенда о кладе галичского князя Шемяки².

С костромским краем связано также творчество выдающегося русского писателя В. Г. Короленко (1853—1921). В середине 1879 года Короленко за выступления против самодержавия был сослан в Вятскую губернию. Направляясь к месту ссылки, он

¹ Н. С. Лесков. Избранные сочинения. М., 1945, стр. 169—189.

² «Живопиясная Россня», т. VI, ч. 2, СПб. — М., стр. 208—219.

некоторое время пробыл в Костроме. Это пребывание в Костроме, а затем свое путешествие по Костромской губернии по направлению к Вятке Короленко описал в своем дневнике — «Записная книжечка 1879» и в «Истории моего современника». Здесь есть интересные зарисовки. Вот, например, как Короленко описывает г. Макарьев: «Город довольно большой, растянулся широко. Дома попадаются каменные, купецкие дочки в окна смотрят. Интеллигенции не видно; на базаре мужики все бородачи да купцы. Чисто русский народ».

В 1889 году, возвращаясь с озера Светлояра, Короленко встретился на реке Ветлуге (в пределах Костромской губернии) с перевозчиком, образ которого он впоследствии нарисовал в рассказе «Река играет», написанном в 1891 году. Этот рассказ Горький называл своим любимым рассказом. Особенно высоко оценивал он центральный образ его — перевозчика Тюлина. В 1918 году Горький писал о Тюлине: «Правда, сказанная образом Тюлина, — огромная правда, ибо в этой фигуре нам дан исторически верный тип великорусса — того человека, который ныне сорвался с крепких цепей мертвой старины и получил возможность строить жизнь по своей воле». Перевозчик Тюлин — яркий образ обездоленного костромского мужика. Главное в нем — умение преодолеть пассивность. Апатичный и, по первому впечатлению, нерасторопный, Тюлин во время бури преображается. В этот момент он предстает перед читателем как подлинный герой, способный на подвиг; он выходит победителем в борьбе с разбушевавшейся стихией. Рассказ «Река играет» говорит страшную правду о трагической судьбе «ветлугаев» в условиях царской России, он проникнут любовью к могучей русской природе и талантливому народу, живущему в приветлужских лесах. «Милый Тюлин, милая веселая, шаловливая взыгравшая Ветлуга!» — восклицает в конце рассказа Короленко¹.

Мы назвали далеко не всех писателей-костромичей XVIII и XIX веков. Едва ли есть необходимость гово-

¹ В. Г. Короленко. Повести и рассказы, Москва, 1950, стр. 317—343.

речь о тех, кто не создал ничего сколько-нибудь значительного, у кого жизнь костромичей не нашла заметного отражения.

Придерживаясь определенных хронологических рамок, мы не касались также тех костромских литераторов, которые, хотя начали свою деятельность в XIX веке, но главным образом развили ее уже в текущем столетии.

Александр Онисимович Аблесимов

Александр Онисимович

АБЛЕСИМОВ

(1742 — 1783)

Радио часто передает отрывки из русской комической оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват». Слушая их, немногие жители Костромской области знают, что текст этой оперы написал их земляк Александр Онисимович Аблесимов.

А. О. Аблесимов родился в 1742 году в Галичском уезде. Точных данных о месте рождения Аблесимова нет. Есть основание предполагать, что усадьба его отца находилась на территории нынешнего Сусанинского района. Отец Аблесимова был мелкопоместным служилым дворянином. Детство и юность будущего писателя прошли на родине. Здесь он познакомился с жизнью крестьян, их обычаями, с народной поэзией. Аблесимов получил самое элементарное домашнее образование. С 16 лет он был отправлен на военную службу. Служил в лейб-кампанской канцелярии копистом. В 1760—1762 годах участвовал в звании сержанта в походе русской армии в Пруссию во время Семилетней войны. В это время он хорошо познакомился с условиями службы и бытом русского солдата. В 1766 году Аблесимов ушел в отставку в чине прапорщика. В 1767 году поступил на службу в созданную Екатериной II комиссию по составлению проекта «Нового уложения». С 1770 по 1772 год Аблесимов снова был на военной службе, а потом, уйдя в отставку, до конца своей жизни служил в Москве экзекутором (мелким чиновником) управы благочиния.

Одно время Аблесимов выполнял обязанности сек-

ретаря А. П. Сумарокова, переписывая на белом его произведения. Это содействовало пробуждению у него интереса к литературному творчеству, и он пробует сочинять сам. В 1759 году в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» Аблесимов напечатал первые свои произведения: элегию «Сокрылись мои дражайшие утехи» и шуточное стихотворение «Подьячий здесь зарыт». В 1769 году он выпустил сборник басен «Сказки в стихах». В 1769 — 1770 годах Аблесимов поместил ряд сатирических стихотворений и статей в журнале Н. И. Новикова «Трутень». В своих баснях и сатирических стихотворениях он по преимуществу подражал сатирам и басням Сумарокова.

Славу выдающегося писателя Аблесимову доставила комическая опера «Мельник — колдун, обманщик и сват», которая была впервые поставлена в Москве 20 января 1779 года и с тех пор не сходила со сцены в течение свыше 50 лет. Уже первая постановка «Мельника» сопровождалась небывалым успехом. После этого пьеса ставилась в Москве 22 раза кряду. С таким же успехом прошла она и в Петербурге, где ставилась кряду 27 раз. По свидетельству «Драматического словаря» 1787 года, «Мельник» был «едва ли не первой русской оперой», которая «имела столько восхитившихся спектатеров и плескания», причем была «не только от национальных слушана, но и иностранцы любопытствовали довольно». Действительно, ни одна из пьес, написанных русскими писателями XVIII века, кроме комедий Фонвизина, не пользовалась таким огромным успехом, как эта пьеса Аблесимова. Известный поэт и критик начала XIX века профессор Мерзляков писал о «Мельнике», как о пьесе, «которая представляется везде: в Эрмитаже, в публичных и частных театрах... которую все почти знают наизусть». Это подтверждается отзывом великого русского критика В. Г. Белинского: «Аблесимов написал прекрасный народный водевиль «Мельник», произведение, столь любимое нашими дедами и еще и теперь не потерявшее своего достоинства»¹.

¹ В. Г. Белинский. Избранные сочинения. ОГИЗ, М., 1947, стр. 22.

Чем же объяснялся необыкновенный успех и широкая популярность «Мельника»?

Основой этой популярности являлись элементы народности и реализма, которыми проникнута пьеса. В ней изображается быт русского крестьянства, слышится выразительная крестьянская речь, звучат народные песни. Все это было новым, необычным для своего времени. Ведь в XVIII веке на русской сцене безраздельно господствовали пьесы иностранного, по преимуществу французского, происхождения. По свидетельству современника, «Аблесимов был одним из тех немногих писателей, которые вполне понимают характер своего народа».

Опера «Мельник — колдун, обманщик и сват» состоит из 3 действий. Сюжет ее несложен. Действие происходит не в царском дворце, не в барских хоромах, а в деревне, на фоне полей и лесов. Зрители видят на сцене деревенскую мельницу и крестьянскую избу. Одиодворец¹ Филимон просит мельника Фаддея, который слыл за колдуна, помочь ему жениться на крестьянской девушке Анюте. Филимон и Анюта любят друг друга. Но их браку противится мать Анюты, Фетинья, которая происходила из захудалого дворянского рода и хотела выдать свою дочь обязательно за дворянина. Хитрый мельник выступает в роли свата и быстро устраивает все дело к общему удовольствию.

Народным был сюжет пьесы. Народностью веяло от героев ее, особенно от образа лукаво-добродушного мельника, от песен, которыми она богата, от ее языка. Аблесимов использовал в своей пьесе, в частности, песни, в свое время очень распространенные в нашем костромском крае: «Земляничка-ягодка», «Вы реченьки, реченьки», «Кабы знала, кабы ведала» и др. При этом первоначально Аблесимов сам указал скрипачу Соколовскому, сочинявшему музыку к «Мельнику», мелодии этих песен. В языке пьесы встречается значительное количество слов и выражений, характерных для костромского крестьянского говора того времени:

¹ Особая категория государственных крестьян.

«гоны с трои», «кросна ткань», «орать», «поезжане», «старуха провальная», «гожа», «робенок» и др.

В «Мельнике» почти нет сатирического элемента, нет и прямого социального протеста, но некоторый намек на него можно видеть в словах отца Анюты Анкудина: «Што, барям-та рай жить, хоть раз бы пожил так, как они». Однако народно-крестьянский оттенок в пьесе Аблесимова выражен значительно больше, чем в первой русской комической опере — «Анюта» Попова, появившейся на 7 лет раньше «Мельника». Образы крестьян в ней типичнее, ближе к реальной действительности, чем в пьесе Попова. В «Мельнике» все было русское, родное, не было слепого подражания иностранному.

Вот почему эта пьеса так понравилась широким массам, демократической публике и в то же время вызвала резкие нападки со стороны некоторых дворянских писателей и критиков, а также со стороны представителей высшего общества. Они высмеивали Аблесимова за его «мужицкую пьесу», говорили что она написана не по правилам «литературного искусства», находили в ней «уж что-то чересчур близкое к простой, необработанной натуре», считали пьесу «не совсем приличной для зрителей высшего тона». Эти выпады не смущали скромного «Анисимыча», как звали его товарищи по службе. Он был уверен, что стоит на правильном пути и его пьеса будет полезна для народа.

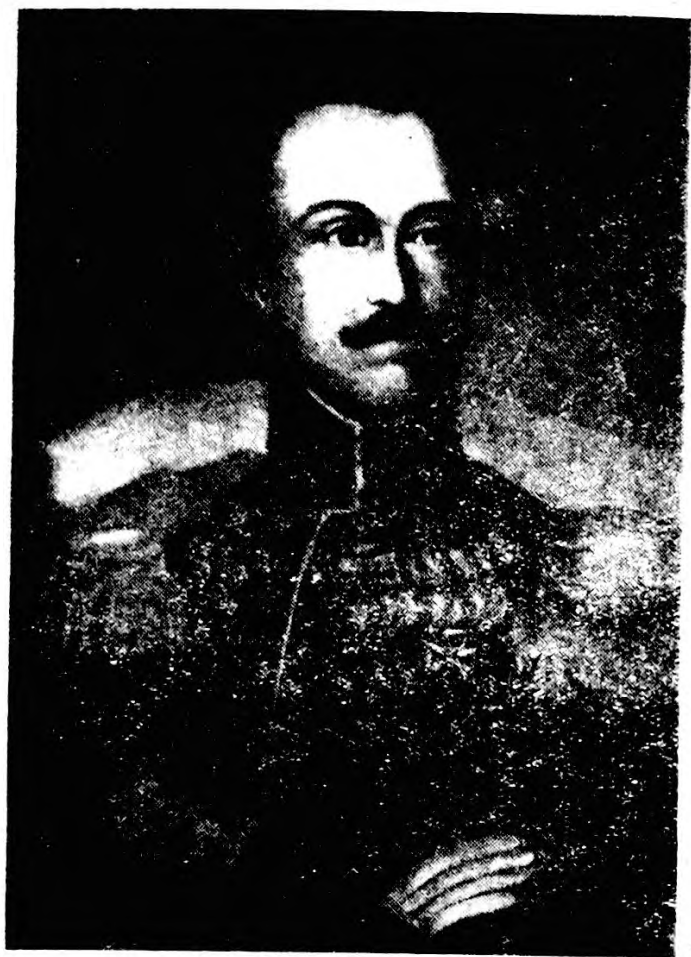
Пьеса Аблесимова сыграла большую роль в развитии русской комической оперы и вместе с тем в создании русской реалистической комедии вообще. Она скоро вызвала ряд подражаний.

Ободренный успехом своего «Мельника» на сцене, Аблесимов пишет еще ряд пьес: оперетку в 1 действии «Счастье по жребию» (1780 г.), оперетку «Странники», комедию в 5 действиях «Подьяческая пирушка» и комическую оперу «Поход с неперменных квартир». Последние две не были в свое время напечатаны, и рукописи их утеряны. Однако известно, что комическая опера «Поход с неперменных квартир» с успехом шла в Москве. По словам современника, она была «довольно хорошо принята публикою: сочинитель показал в

оной пьесе подробно все солдатские нужды, как иску-сившийся по сей части». По своим художественным достоинствам эти пьесы все-таки были значительно слабее «Мельника», но они создали автору сильных врагов в среде дворянства и чиновничества. Представители аристократии говорили: «Этот Аблесимов на-доел своими мужиками».

В 1781 году Аблесимов при материальной под-держке Н. И. Новикова начал издавать сатирический журнал «Раскащик забавных басен, служащих к чте-нию в скучное время или когда кому делать нечего». Сатирические произведения Аблесимова, печатавшие-ся в этом журнале, были довольно расплывчаты, но для своего времени они звучали достаточно резко и еще более увеличили число врагов писателя. Последний с трудом довел журнал до конца года и, прекращая его издание, объяснил читателям, что он «невежество привел к негодованию» и что «пороки поклялись своей душою: рассказчик, где б попал, сло-мить ему тут шею». И в заключение писал: «В таком случае что сказать? Потребно замолчать». Из этих слов видно, как трудно было жить и работать писате-лю, который при диктатуре дворян в стране, после по-давления народного восстания под предводительством Пугачева, осмеливался критиковать «благородные» со-словия и говорить правду. К моральным страданиям писателя присоединялись материальные лишения. А. О. Аблесимов умер в начале 1783 года в Москве. На могиле его не было поставлено никакого па-мятника, и она скоро была затеряна.

Но недаром в ответ на нападки дворянских писате-лей на «мужицкую» пьесу Аблесимова последний уве-ренно говорил: «Мой «Мельник» не умрет!» Эти слова оказались знаменательными. Опера Аблесимова дей-ствительно не умерла и не была забыта передовой ча-стью русского общества. Она содействовала развитию в русской литературе и русской музыке реализма и на-родности.

Павел Александрович Катенин

Павел Александрович

КАТЕНИН

(1792—1853)

К числу наиболее значительных писателей, которых дала Костромская область в XIX веке, относится Павел Александрович Катенин, поэт, драматург, критик и переводчик. Катенин принадлежал к тем лучшим людям из дворянской среды, которые, по выражению В. И. Ленина, «помогли разбудить народ»¹, к представителям первого поколения русских революционеров—декабристам. Творчество его отразило идеи и настроения ранних декабристов и внесло значительный вклад в развитие нашей великой русской литературы.

П. А. Катенин родился 22 декабря 1792 года в ус. Шаево, Кологривского уезда, Костромской губернии (сейчас это территория Межевского района), в старинной дворянской семье². Родители его были довольно культурными людьми. Они дали сыну хорошее домашнее образование, и, очевидно, еще в детстве Катенин овладел несколькими иностранными языками. В 1806 году он был отправлен родителями в Петербург и здесь поступил на службу в министерство народного просвещения. В 1810 году восемнадцатилетний Катенин перешел на военную службу—в Преображенский полк портупей-прапорщиком.

Служба и светский образ жизни гвардейского офи-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 295.

² В настоящее время от ус. Шаево, находившейся на теперешнем тракте Мантурово—Кологрив, близ д. Белавина, ничего не сохранилось.

дера не помешали ему продолжать работу над своим образованием. С ранних лет он почувствовал склонность к поэзии и начал писать стихи. В 1810 году в журнале «Цветник» были напечатаны его переводы стихов из *Виргилия*, *Оссиана* и др. авторов. В это же время он познакомился с театральными кругами Петербурга и начал работать для театра. В феврале 1811 года в Петербурге была поставлена трагедия П. Корнеля «*Ариадна*» в переводе Катенина.

Начавшаяся вскоре Отечественная война 1812 года на некоторое время прервала литературную деятельность Катенина. В годы войны он храбро сражался с врагом, отличился в знаменитой Бородинской битве, затем во время заграничного похода (в 1813—1814 гг.) в сражениях под Люценом, Бауценом, Кульмом и Лейпцигом дошел со своим полком до Парижа.

Во время двухмесячного пребывания в Париже Катенин познакомился со многими знаменитыми деятелями французского театра того времени.

По окончании войны он продолжал служить в Преображенском полку, быстро повышаясь в чинах. В 1818 году он был уже гвардейским полковником.

Время с 1814 по 1822 год было самым ярким и плодотворным периодом в жизни и творчестве Катенина. В это время он пишет «простонародные» и исторические баллады: «*Наташа*» (1814 г.), «*Убийца*» (1815 г.), «*Певец*» (1814 г.), «*Леший*» (1815 г.), «*Ольга*» (1816 г.), «*Певец услад*» (1817 г.), «*Мстислав Мстиславич*» (1819 г.), драматический пролог «*Пир Иоанна Безземельного*» (1820 г.), трагедию «*Андромаха*» (1809 — 1818 гг.), поэмы «*Софокл*» (1818 г.), «*Мир поэта*» (1822 г.) и значительное количество небольших стихотворений. Кроме того, Катенин в это время много переводит, особенно из пьес знаменитых французских драматургов П. Корнеля и Расина. Так, в 1816 году он перевел комедию Расина «*Эсфирь*», которая с успехом была поставлена на сцене. К 1822 году относится перевод трагедии П. Корнеля «*Сид*». В 1817 году Катенин переводит с итальянского оперу «*Гризельда*». В 1821 году вышел его перевод французской комедии Гресса «*Сплетни*», которая тоже имела успех на сцене.

В то же время расширяются его связи с театральными и литературными кругами. В 1815 году он познакомился с семьей директора Публичной библиотеки Оленина. В кружке Оленина Катенин встретился с драматургом Шаховским и великим русским баснописцем И. А. Крыловым.

Здесь же он, вероятно, впервые встретился и с А. С. Грибоедовым. Знакомство с последним послужило началом их дружбы и сотрудничества. В 1817 году Катенин и Грибоедов сообща написали комедию «Студент».

Известность Катенина как писателя растет. Оформляются его литературные позиции и политические взгляды. Он принял активное участие в борьбе за создание самобытной, национальной русской литературы и стал одним из первых прогрессивных романтиков в русской поэзии.

К 1817 году относится знакомство Катенина с А. С. Пушкиным. Катенин так описывает свое знакомство с Пушкиным: «Пушкин встретил меня в дверях, подавая в руки толстым концом свою палку и говоря: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи». — «Ученого учить — портить», — отвечал я, взял его за руку и повел в комнаты». С тех пор Пушкин стал часто посещать Катенина, проводил с ним целые вечера в литературных беседах и спорах, и они стали друзьями. Пушкин советовался с Катениным о своих стихотворениях и поэме «Руслан и Людмила».

В то же время Катенин сближается с передовой частью офицерства гвардейских полков и становится на путь борьбы с самодержавно-крепостническим строем.

Главную роль в формировании прогрессивных общественно-политических взглядов Катенина, как и других декабристов, сыграла Отечественная война 1812 года и вызванный ею рост национального самосознания в русском обществе. Катенин становится одним из организаторов первых тайных революционных обществ в России. В 1816 году он вступает в «Союз Спасения». В 1818 году становится «первенствующим членом» тайного «Военного общества», в которое входило много

офицеров гвардейских полков. В 1819 году Катенин был одним из учредителей тайной организации — «Общества добра и правды». Авторитет и влияние Катенина среди молодого офицерства гвардейских полков были в это время очень велики. В доносах полицейских органов он назывался «оракулом Преображенского полка, регулятором полкового мнения и действий молодых офицеров...»

По воспоминаниям современников, Катенин того времени внешностью напоминал своего друга Пушкина. Небольшого роста, необычайно подвижный, остроумный и вспыльчивый, вечно кипевший, «как кофейник на конфорке», он действительно имел некоторое сходство с великим поэтом не только в портрете, но и в темпераменте, и в поведении.

«Он мог вести диспуты с кем и о чем угодно и своей неотразимой диалектикой сбить с толку, обезоружить своего противника... Декламировать, рассказывать увлекательно, острить, спорить; опровергать, доказывать — вот сфера, в которой он не имел соперников»¹.

Около 1817 года Катенин пишет революционный гимн, представляющий вольный перевод одной французской революционной песни:

«Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах, лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас!»

Эта песня стала своего рода гимном декабристов. Ее они распевали на своих тайных собраниях. С этой песней впоследствии декабристы-каторжане выходили на работы, заставляя под ее звуки маршировать и своих конвоиров. Уже по содержанию этого гимна можно судить, что Катенин стоял на левом крыле декабристского движения, был сторонником уничтожения монархии в России. Вместе с тем следует отметить, что в 1818 году Катенин был единственным рус-

¹ Розанов. Пушкинская плеяда. «За друга», 1923.

ским писателем, идейно и организационно связанным с революционным подпольем.

Правительство Александра I подозревало в Катенине своего врага. Он числился в списке «неблагонамеренных людей». По словам доносчика, «он был вреден своим влиянием и распространением вольтеррианства», от него «набирались вольного духу» окружающие его люди. Но прямых улик против Катенина не было: очевидно, он был хорошим конспиратором. Царь искал случая, чтобы избавиться от опасного для него человека и примерно наказать его.

В сентябре 1820 года молодой, блестящий полковник лейб-гвардии Преображенского полка был неожиданно уволен в отставку «по высочайшему повелению». Однако и отставка не заставила Катенина «смириться» и отказаться от борьбы с самодержавием.

Через 2 года Катенин подвергся более жестокой каре. По ничтожному поводу — «за шиканье» в театре артистке Азаревичевой, ученице известной артистки Семеновой, которой покровительствовал петербургский генерал-губернатор Милорадович, — Катенин 7 ноября 1822 года был выслан из Петербурга на 3 года в свою костромскую деревню, с «запрещением въезжать в обе столицы без высочайшего на то разрешения».

Всем было понятно, что мелкий театральный инцидент был только поводом для расправы с Катениным. Тем более, что высылка Катенина была обставлена необычно. Ему не дали даже «законных» 24 часов. Граф Милорадович приказал полицмейстеру Чихачеву немедленно вывезти Катенина за заставу. Последний не имел возможности даже собраться и вынужден был, выехавши за заставу, остановиться на некоторое время в трактире «Красный кабачок» (на дороге в Петергоф), пока его друзья подготовили все необходимое для путешествия в далекое Шаево.

Катенина, между прочим, подозревали в причастности к делу о прокламациях, появившихся осенью 1820 года среди солдат в казармах Преображенского полка, в которых говорилось, что от царя нечего

ждать, что он «сам не кто иной, как сильный разбойник».

В конце 1822 года Катенин приехал в Шаево, «в страну медведей», по его выражению. Потянулись томительные дни ссылки. Человек исключительного ума и образованности, оторванный от политической и культурной жизни страны, Катенин переживал ссылку болезненно. Утешением «шаевского ссыльщика», как он себя называл, были только книги (у него в Шаеве была богатая библиотека) да переписка с друзьями, в частности с А. С. Пушкиным и А. С. Грибоедовым.

Пушкин на юге, с запозданием узнав о высылке Катенина, с беспокойством запрашивал своих друзей и родственников о его судьбе. 5 апреля 1823 года он писал Вяземскому: «Правда ли, что говорят о Катенине? Мне никто ничего не пишет—Москва, Петербург и Арзамас совершенно забыли меня...» В дальнейшем, установив местопребывание Катенина, великий поэт начинает ему писать в Шаево. Катенин тоже пристально следил за жизнью ссыльного Пушкина.

Связи между двумя ссыльными поэтами помогал родственник Пушкина Александр Юрьевич Пушкин, живший в Костроме.

В период ссылки Катенин мало пишет, но полностью отказаться от своего любимого дела он не мог. Он переводит комедию Мариво «Обман в пользу любви», пишет оригинальную комедию «Говорить правду — потерять дружбу», пишет ряд стихотворений. В 1824 году он получает от своего друга А. С. Грибоедова рукопись его знаменитой комедии «Горе от ума» на отзыв и в ответ посылает Грибоедову подробный разбор ее.

Изредка заезжал к нему, в деревню кто-нибудь из петербургских знакомых или сам Катенин уезжал на некоторое время то в Кострому, то в Кологрив, то в Чухлому, то в Ростов-Ярославский. Так, в начале 1825 года он жил в Костроме. В 1824 году Катенин купил у И. Ю. Лермонтова (одного из дальних родственников М. Ю. Лермонтова) в Чухломском уезде усадьбу Колотилово, по соседству с именем свое-

го брата, с. Бореевом. Для покупки ее был вынужден взять ссуду в опекуном совете. В Колотилове он построил дом, который сохранился и до сих пор и представляет оригинальный памятник архитектуры (сейчас в нем помещается Писемская начальная школа).

Материальное положение Катенина было далеко не блестящим. Но он, сочувствуя бедственному положению своих крестьян, помогал им, был, по преданиям, «предобрый». В 1825 году он писал артистке А. М. Колосовой: «Крестьяне здешние с голоду мрут; кормлю их чем и как могу, но мне не на что купить овса для посева и доходов никаких нет». В письме к Бахтину от 18 марта 1825 года Катенин сообщает: «Вы у меня просите тысячу рублей, когда у меня десяти нет, и занять здесь ни у кого нельзя. Весь уезд умирает с голоду, овес так приели, что нечем будет яровую сеять, а местами мужики кормятся дурандой. Я после этого гол, как сокол, и в долгу, как в шелку».

Из Петербурга приходили к нему известия о литературной интриге против него. Печатание его произведений задерживалось.

С горечью он писал в июне 1825 года А. М. Колосовой: «Маленькие каверзы, маленькие лжи печатные, маленькие недоброжелательства всеисильны против писателя, обязанного или молчать, или унижаться, нарушая это молчание». Катенин томился в изгнании, но просить царя о смягчении своей участи долгое время не хотел. Очень показательное следующее обстоятельство. Александр I в октябре 1824 года проезжал через Кологрив, мимо Шаева. Катенин знал заранее о маршруте царского путешествия, но, очевидно, нарочно, не желая встречаться с царем, уехал на это время в Ростов-Ярославский. На это он ясно намекает в письме из Ростова от 28 августа 1824 года: «Государь поедет осенью мимо Кологрива и мимо Шаева, но я буду не дома, а здесь».

Однако друзья его, А. С. Грибоедов и В. А. Каратыгин, в своих письмах настойчиво уговаривали «шаевского ссыльника» обратиться к царю с просьбой о воз-

вращении в Петербург. Уступая друзьям, Катенин 19 марта 1825 года подал соответствующее прошение, и в мае разрешение было получено. Катенин вернулся в Петербург в августе 1825 года. Здесь он стал хлопотать о постановке своей трагедии «Андромаха» и старался восстановить свои прежние знакомства и связи.

От событий 14 декабря 1825 года «шаевский ссыльный», по причинам, пока полностью не выясненным, остался в стороне. Но он глубоко сочувствовал восставшим и после разгрома восстания остался верен идеям декабризма. Об этом говорят прежде всего его письма к А. С. Пушкину в 1826 году. Так, 3 февраля он пишет: «Извини, любезный Александр Сергеевич, что я так давно тебе не отвечал: в нынешнее время грустно даже беседа с приятелем». 6 июня того же года, в тот момент, когда шел суд над декабристами, Катенин в письме к Пушкину дает понять, как волнует его судьба единомышленников: «Мне почти совестно говорить о пустяках, когда важнейшее дело судится; но что о нем говорить? Надо молчать и ждать». И сам он, судя по его письмам, ждал ареста. Катенина в 1826 году вызывали в следственную комиссию по делу декабристов, но никакому наказанию не подвергли. Это объясняется, вероятно, во-первых, тем, что, находясь в ссылке, он не мог принимать участия в деятельности Северного тайного общества, организовавшего восстание 14 декабря, а, во-вторых, может быть, еще и тем, что одним из самых влиятельных сотрудников следственной комиссии был старый товарищ Катенина и сослуживец по полку Адлерберг.

В 1827 году трагедия «Андромаха» была, наконец, поставлена на сцене, но совсем не имела успеха. Удрученный этой неудачей, подавленный трагической судьбой своих друзей — декабристов и не имея средств жить в столице, Катенин уезжает обратно на родину и здесь находится до 1832 года. Этот период его жизни характеризуется оживлением творческой деятельности поэта. Он пишет большие стихотворные произведения: «Старая быль» (1828 г.), «Элегия» (1829 г.), «Гений и поэт» (1830 г.), «Идиллия» (1831 г.), и ряд

более мелких. В это же время он печатает в «Литературной газете» Дельвига свои критические статьи о литературе и театре под названием «Размышления и разборы».

В обстановке жестокой николаевской реакции он рассматривал себя как хранителя литературных традиций декабризма. Это особенно отчетливо выражено в статье «Старая быль» и сопровождавшем его послании «А. С. Пушкину», а также в стихотворении «Гений и Поэт».

В 1830 году по поводу статьи «Гений и Поэт» Катенин писал Бахтину: «Я становлюсь смел в своей глуши и, коли прочтете, увидите почему». Действительно, это стихотворение проникнуто революционными мотивами. В нем Гений говорит Поэту:

«Нет, сгубить донныне годы
Не могли врожденных сил;
Добродетели, свободы,
Славы ты не разлюбил;
Будь же вновь, чем был ты прежде».

И здесь же, намекая на события июльской революции во Франции, Катенин пишет:

«Зри, как целые народы,
Пробужденные от сна,
Вдруг отчизны и свободы
Водружают знамена».

Конечно, такое стихотворение не было пропущено цензурой. Катенин не скрывал своего глубокого возмущения цензурным гнетом. В письме к А. С. Пушкину от 28 марта 1828 года он писал о цензорах: «О варвары, полотеры придворные, враги всего русского и всего хорошего». В этот период он по-прежнему живет в своем Шаеве, но довольно часто выезжает из него в Кологрив, Кострому, Колотилово. Любит ездить по деревням, посещает деревенские праздники, внимательно присматривается к жизни крепостных крестьян и в письмах к своим друзьям не скрывает своего

сочувствия к угнетенному народу и негодования по адресу столичной аристократии и правительства.

Он пишет Бахтину в 1828 году: «Чем долее живу в отдаленной нашей стороне, тем сильнее удостоверяюсь, что здесь-то именно труд и есть, которого уже плоды красуются на ветвях и забывают о бедных корнях, роющих землю в темноте (намек на басню Крылова «Листы и Корни» — В. К.). Сельская тишина, мир полей — пустые бессмысленные слова столичных богатых жителей, не имеющих никакого понятия о том, как трудно хлеб сеять, платить подати, ставить рекрут и как-нибудь жить».

Материальное положение самого Катенина в это время еще более ухудшилось. В письмах к друзьям он жалуется, что «доходов нет вовсе, процентов платить в Опекунский совет не из чего». В 1832 году чухломское поместье Катенина Колотилово за неплатеж ссуды и процентов по ней было взято в опеку.

Между тем он задумал издать свои сочинения. С этой целью приехал в 1832 году в Петербург и с помощью друзей открыл на издание предварительную подписку. Большую помощь в этом ему оказал А. С. Пушкин, который взял для раздачи 100 подписных листов. Издание сочинений было значительным событием в жизни писателя и немного укрепило его положение в литературных кругах. 7 января 1833 года П. А. Катенин (вместе с А. С. Пушкиным) был избран в действительные члены Российской Академии наук.

Материальная необходимость заставила Катенина в августе 1833 года снова поступить на военную службу. Отслужив полгода в Царском Селе, он отправился на Кавказ и здесь служил до 1838 года. Некоторое время он жил в Ставрополе, затем в Ольгинском укреплении на Кубани. Участвовал в боях с горцами. В 1836 году был назначен комендантом крепости Кизляр.

И здесь, на Кавказе, Катенин не изменил своим прежним общественно-политическим взглядам. Он резко отрицательно относился к колонизаторской политике царского правительства, к произволу царских гене-

ралов и чиновников на Кавказе. В письме к Бахтину от 8 июля 1835 года из Ставрополя он пишет о «неограниченном самовластии высоких» на Кавказе, о том, что там «почтения к истине, к правоте и невинности, к страданию, двумя словами: совести и человеколюбия — в помине нет».

Вспоминая свою службу на Кавказе и извиняясь перед другом Бахтиным, что он не мог вернуть ему временно взятые в долг 500 рублей, Катенин 16 октября 1840 года пишет: «Конечно, иной на моем месте в Кизляре нашел бы средства разделаться даже не с таким долгом, но я родился и умру честным человеком».

Несмотря на трудные условия жизни, Катенин и на Кавказе продолжает заниматься литературным творчеством. В 1834 году выходит из печати отдельной книжкой его большая сказка в стихах «Княжна Милуша». В 1835 году он написал на Кавказе ряд значительных стихотворений: «Инвалид Горев», «Дура», «Сонет». В «Сонете» он вновь и вновь говорит о своей верности декабристским идеям, подчеркивает решимость идти прежним путем:

«Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:
Гоненьем и борьбой в ней
Только крепнет сила,
Чем гуще мрак кругом,
Тем ярче блеск звезды».

Конечно, полковник-поэт с таким настроением был совсем не по вкусу правительству Николая I. И вот приказом от 30 ноября 1838 года Катенин неожиданно увольняется в отставку, «совершенно без вины и даже без предлога», как он писал впоследствии.

Последние 15 лет своей жизни П. А. Катенин провел в своих усадьбах Шаеве и Колотилове. Больше жил он в Колотилове. Отсюда иногда выезжал в Чухлому, в частности приезжал на публичные экзамены в Чухломском уездном училище. О жизни Катенина в Колотилове можно судить по роману А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов», где Катенин изображен в ли-

це А. И. Коптина. Писемский был соседом Катенина (родовое имя Писемских Раменье находилось в трех с половиной километрах от Колотилова). Когда Писемский был студентом, он на каникулах часто навещал Катенина в Колотилове. Старый писатель и молодой студент вели оживленные беседы о литературе, о театре. Катенин учил Писемского искусству декламации. И эти уроки не прошли даром. Впоследствии Писемский стал превосходным чтецом.

Только посещения Писемского да редкие визиты старых друзей Катенина, в частности знаменитого артиста В. А. Каратыгина, вносили некоторое разнообразие в его жизнь. Оторванный от центров политической и литературной жизни страны, находясь в одиночестве, в глуши, Катенин все больше и больше погружался в мелочные споры со своими литературными противниками, все меньше занимался литературным творчеством. Последней творческой работой его были «Воспоминания о Пушкине», которые он закончил 9 апреля 1852 года.

9 мая 1853 года (по ст. ст.), в так называемый «Николин день», Павел Александрович близ Шаева был разбит лошадьми. Несмотря на тяжелые ушибы и повреждения, Катенин сохранил бодрость духа и с улыбкой сказал поднимавшему его кучеру: «Подшутил над нами Никола!» Так же мужественно он встретил и смерть. Когда его родственники предложили ему перед смертью исповедаться и причаститься, он, собрав последние силы, сказал: «Не нужно!» Умер он 4 июня 1853 года (23 мая по старому стилю) на руках своего крестника В. Ф. Пяткина.

Тело Катенина было перевезено в Чухломский уезд и похоронено на кладбище с. Бореева (в пяти километрах от Колотилова). На могиле была положена чугунная плита с надписью, сочиненной при жизни самим Катениным: «Павел, сын Александров, из рода Катениных. Честно отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила; зла не творил никому и мене добра, чем хотелось». В 1955 году прах П. А. Катенина был пере-

везен в г. Чухлому, и здесь на могиле его в 1956 году был поставлен новый памятник.

П. А. Катенин был личностью разносторонней. Он принадлежал к числу самых образованных людей России первой трети XIX века. А. М. Горький назвал его «знатоком литературы»¹. По свидетельству современников (Макарова, Андреева, Зотова), он отличался феноменальной памятью, необыкновенной эрудицией, универсальностью познаний.

Лингвистические способности Катенина были изумительны. С французским, немецким, итальянским языками он был знаком в совершенстве, английский, испанский и латинский знал настолько, что мог на них свободно читать. Все выдающиеся памятники западноевропейской литературы были ему знакомы. По словам Каратыгина, Катенин в совершенстве знал историю. «Можно было положительно сказать, что не было ни одного исторического события, которого бы он не мог изложить со всеми подробностями. Это была живая энциклопедия»². Н. Макаров утверждает, что начитанность Катенина обнимала «все предметы, подлежащие книгопечатанию: поэзию, историю, беллетристику, философию, богословие, точные науки, естествознание»³. По свидетельству А. Ф. Писемского, Катенин знал и высшую математику. Катенин был превосходным знатоком сцены и театра, неподражаемым чтецом и декламатором и выдающимся актером-любителем. Он учил декламации и сценическому искусству знаменитых русских актеров В. А. Каратыгина и А. М. Колосову. А. М. Колосова в своих «Воспоминаниях» рассказывает о неизгладимом впечатлении, какое произвела на нее в свое время игра Катенина в роли Хвастуна в комедии Княжнина под тем же названием.

¹ М. Горький. История русской литературы. М., 1939. стр. 125.

² П. Каратыгин. Записки, СПб, 1880.

³ Н. Макаров. Мои 70-летние воспоминания, ч. 1, СПб, 1881.

Но, конечно, основное в личности Катенина — его поэтическое творчество и литературно-критическая деятельность. Как поэта Катенина высоко ценили А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов. Пушкин называл Катенина «опытным художником». В статье «О сочинениях П. А. Катенина» А. С. Пушкин в качестве главных достоинств Катенина-поэта отмечает самобытность и элементы народности в его поэзии. «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу и публике, — писал великий поэт о Катенине, — напротив: шел всегда своим путем... быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии и язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам»¹.

В этих словах Пушкин отметил также противоречивость творческого пути Катенина. И на самом деле творчество последнего было полно противоречий. Оно представляло своеобразное сочетание элементов классицизма, романтизма и реализма. В начале своего творческого пути Катенин выступил в духе классицизма. Вместе с Грибоедовым он повел борьбу против Карамзина, Жуковского и других поэтов сентиментально-элегического стиля, что сказалось, в частности, в написанной им сообща с Грибоедовым комедии «Студент». В своей драматургии он придерживался правил классицизма. И в оригинальных его пьесах и в переводных господствуют сюжеты из истории древней Греции и Рима, античные образы, в языке много славянизмов, что дало повод некоторым современникам причислить Катенина к литературным староверам, к шишковистам... Но на самом деле группа Грибоедова — Катенина, стоявшая на прогрессивных идейно-литературных позициях, не имела ничего общего с реакционными староверами из «Беседы» Шишкова. Обращение к античному миру, к героям древней Греции и Рима, к классическим трагедиям было у Катенина своеобразным приемом для выражения передовых, прогрессивных идей.

¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в 6 томах, т. 5, М., 1936, стр. 114.

В тот же период, когда Катенин работает над созданием своей трагедии «Андромаха», он пишет «простонародные» баллады, которые составляют основную часть его творчества. В них он уже отходит от правил классицизма и встает на путь романтизма, но не консервативного, а прогрессивного. Как и другие поэты-декабристы, он связывал с понятием романтизма борьбу за самобытность и народность литературы.

Критик «Телескопа» в 1834 году ставил в заслугу Катенину, что он в «эпоху безусловного преобладания чужеземных идей и форм в нашей поэзии обнаруживал уже особое предрасположение к народности». Действительно, в таких балладах, как «Наташа», «Убийца», «Леший», Катенин изображает современный ему народный быт, широко использует народную речь. Даже балладе «Ольга», представлявшей вольный перевод баллады Бюргера «Ленора», Катенин придал национальный колорит.

В других своих балладах Катенин обращается к древнерусской жизни. Такова, например, баллада «Мстислав Мстиславич», которая была написана под несомненным влиянием «Слова о полку Игореве». «Мстислава Мстиславича» Пушкин назвал «стихотворением, исполненным огня и движения». В древнерусской жизни Катенин ищет образы, созвучные его современности, — образы сильных и смелых борцов за родину.

В некоторых из последних своих стихотворений («Дура», «Инвалид Горев») Катенин опять обращается к современной ему народной жизни. Есть все основания предполагать, что в основу их сюжета писатель положил действительные происшествя из жизни крестьян Костромской губернии. «Инвалида Горева» Катенин назвал «самым зрелым, дельным, с природы схваченным». Это произведение и стихотворение «Дура» отличаются замечательной простотой и живостью языка, реалистичностью изображения крестьянского быта.

Несмотря на значительные уклоны в сторону классицизма, на некоторую устарелость стиля, поэзия Ка-

тенина сыграла немаловажную роль в утверждении начал реализма и народности в русской литературе первой трети XIX века.

Пушкин и Грибоедов особенно высоко оценивали Катенина как критика. А. С. Пушкин считал Катенина лучшим из критиков 20-х годов. В письме к Катенину в феврале 1826 года он писал: «Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны, ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях». Великий поэт дорожил мнением Катенина в вопросах литературы.

Так же относился к Катенину-критику и А. С. Грибоедов. Недаром он именно Катенину, в кологривскую глушь, в 1824 году посылал на отзыв рукопись только что законченной комедии «Горе от ума». Получив критический отзыв Катенина, Грибоедов писал ему в январе 1825 года: «Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей... Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю... что тебе обязан зрелостью, объемом и даже оригинальностью моего дарования, если оно есть во мне»¹.

Свои взгляды на литературу Катенин изложил в серии статей, печатавшихся в «Литературной газете» под названием «Размышления и разборы».

Катенин требовал от писателей «правдоподобия» и «натуры», единства формы и содержания. Он писал: «Формы стихотворений важны не собственно по себе, а по связи своей с содержанием; с изменением его должны измениться и наружный вид».

Следует в то же время отметить, что по своим эстетическим взглядам Катенин был весьма своеобразен. В «Размышлениях и разборах» он дал анализ поэзии греческой, латинской и западноевропейской, в том числе итальянской, испанской и португальской. Глубокий знаток французского классицизма, горячий сторонник Расина, Катенин относился враждебно к Шекспиру, к испанским драматургам Лопе де Вега и Кальдерону, к

¹ Грибоедов. Сочинения, Л., 1945, стр. 481—482.

романтикам. Резко отрицательно относился он к Шиллеру. «С какого права, — спрашивал он, — наши критики повадились выдавать «Дон Карлоса», «Орлеанскую деву» и т. п. за какие-то шедевры?» В то же время он был горячим поклонником Данте, автора «Божественной комедии». В своих критических статьях, а также в письмах к друзьям и знакомым Катенин дал оценку многим произведениям русских писателей. Некоторые из его критических отзывов являются вполне справедливыми и не утратили своего значения и до сего дня. Так, Катенин по достоинству оценил роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», назвав его «шедевром», «драгоценным алмазом в русской поэзии».

«Какая простота в основе и ходе! — с восхищением говорил Катенин о романе. — Как из немногих материалов составлено прекрасное целое!.. Сколько ума без умничанья, сколько чувства без сентиментальности, сколько иногда глубины без педантизма, сколько поэзии везде, где она могла быть! Какое верное знание русского современного дворянского быта, от столичных палат до уездных усадьб»¹.

14 марта 1826 года он писал Пушкину: «Наконец достал я и прочел вторую часть «Онегина» и вообще весьма доволен ею, деревенский быт в ней так же хорошо выведен, как городской — в первой. Ленский нарисован хорошо, а Татьяна много обещает». Лучшей главой романа Катенин считал шестую. Правильную оценку он дал также некоторым другим произведениям великого поэта (повести «Капитанская дочка», поэме «Граф Нулин», «Сказке о рыбаке и рыбке», балладе «Утопленник»). «Капитанскую дочку» Катенин называл «родной сестрой «Евгению Онегину». Весьма положительно отзывался он о баснях И. А. Крылова, отмечая, что они соединяют «с простотой и веселостью красоты стихотворные».

Но у Катенина-критика были серьезные ошибки в оценке ряда русских писателей. В частности, он не лю-

¹ П. Катенин. Воспоминания о Пушкине, «Литературное наследство», т. 16—18, М., 1934.

бил Карамзина и свою неприязнь к нему простирал до того, что отказывался признать за ним какие-либо заслуги как писателя. Отрицательно относился он также к поэзии Жуковского. Неверно оценивал Катенин комедию Грибоедова «Горе от ума», хотя и признавал, что в ней «ума палата». Он считал, что в комедии «дарования более, нежели искусства», что «сцены связаны произвольно», что «характеры портретные»¹. Отрицательно относился он и к знаменитой трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Страдая излишним самомнением, он принижал значение многих своих современников — коллег по перу, в частности Вяземского, Бестужева и других.

Значительная роль принадлежит Катенину в переводе на русский язык произведений западноевропейской литературы, особенно драматических. Деятельность переводчика он подчинял своим общественно-политическим и эстетическим взглядам: выбирал для перевода в основном лучшие произведения французских драматургов Корнеля и Расина, проникнутые высокими идеями. В нужных случаях Катенин при переводе «исправлял» Корнеля и Расина в духе декабристских идей. Переводы пьес Корнеля А. С. Пушкин ставил в большую заслугу Катенину. Так, по поводу перевода трагикомедии «Сид», которую великий поэт считал лучшей трагедией Корнеля, Пушкин писал Катенину: «Ты перевел «Сиду», поздравляю тебя и старого моего Корнеля».

В свое время катенинские переводы пьес французских драматургов Корнеля и Расина имели большое значение для русского театра, что было отмечено Пушкиным в 1-й главе «Евгения Онегина». Говоря о петербургском театре 10-х годов XIX столетия, Пушкин писал:

«Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый...»

Примечательно, что, кроме переводов с иностранных языков на русский, Катенин пробовал переводить и с русского языка на иностранные. Он, в частности, пе-

¹ Грибоедов. Сочинения, стр. 482—483.

ревел на французский несколько стихотворений Державина.

Нельзя переоценивать личность Катенина. К нему, как и ко всем представителям декабристского движения, относится классическая характеристика, данная В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена»: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»¹. Катенин тоже был далек от народа, хотя и жил среди него. Он выступал во имя свободы народа, сочувствовал ему, но не опирался на народ. Классовые дворянские предрассудки тяготели над ним не в меньшей мере, чем над другими декабристами. Это отразилось и на его творчестве.

Но нельзя и недооценивать роли Катенина в истории русской литературы, критики и общественной мысли. Это был один из тех лучших русских людей прошлого, которые помогали русскому народу в борьбе за его освобождение и внесли свою долю в создание великой русской литературы.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 14

Алексей Феофилактович Писемский

Алексей Феофилактович
ПИСЕМСКИЙ

(1820—1881)

Среди крупных русских писателей XIX века нет другого, более тесно связанного с костромским краем, чем А. Ф. Писемский. Здесь не только его родина. Здесь он провел половину своей жизни. А главное: большая часть его произведений, в том числе лучшие из них, или написаны здесь, или отражают жизнь населения бывшей Костромской губернии.

Для всякого, кто хочет основательно познакомиться с прошлым Костромской области, особенно с бытом местного крестьянства, чиновников, дворян в XIX веке, творчество Писемского дает исключительно богатый материал и представляет большой интерес.

Алексей Феофилактович Писемский родился 20 марта 1820 года в маленькой усадьбе Раменье, Чухломского уезда, Костромской губернии (в настоящее время это территория Бореевского сельсовета, Чухломского района). Происходил он из старинного, но захудалого дворянского рода. В своей автобиографии Писемский записал: «Дед мой был безграмотен, ходил в лаптях и сам пахал землю». Отец писателя был немного обучен грамоте, с 14 лет поступил на военную службу, прослужил 30 лет в Крыму и на Кавказе сначала солдатом, затем офицером и вернулся в Раменье в чине майора в отставке. В своей небольшой пьесе «Ветеран и новобранец» Писемский, по его собственному признанию, в лице «ветерана» изобразил своего отца.

45 лет отец Писемского женился на Е. А. Шиповой, которой в то время было 37 лет. О своей матери писатель отзывался с восторгом, как о женщине «тонкоумной, прекрасно говорившей и весьма любившей общительность». У Писемских было всего 55 душ крестьян. Семья часто испытывала нужду в самом необходимом. Значение труда будущий писатель узнал еще в детстве.

Свое детство, до 10 лет, Писемский большей частью провел в г. Ветлуге, где отец его служил городничим. Еще в детстве он познакомился с жизнью помещиков, чиновников и крестьян. В отдаленных уголках Костромской губернии в то время царил страшный произвол, издевательства помещиков и чиновников над населением доходили до крайних пределов. Рассказы об этом мальчик слышал, да и своими глазами многое видел, что в известной степени содействовало воспитанию в будущем писателе отрицательного отношения к крепостному праву. Учился Писемский сначала дома. Научившись читать, он очень пристрастился к чтению. «Дон Кихот», «Фоблаз», романы Вальтера Скотта увлекали его.

В 1834 году Писемский поступил во второй класс Костромской гимназии. Вскоре у него обнаружили любовь к литературе и большие литературные способности. В шестом классе он написал повесть «Черкешенка», в седьмом — повесть «Чугунное кольцо». Но ни та, ни другая не были напечатаны. Во время учебы в Костромской гимназии у Писемского развилась также страсть к театру. Увлечшись выступлениями одной заезжей труппы, он стал организатором и активным участником домашних спектаклей. Увлечение театром осталось у него на всю жизнь.

Обстановка в Костромской гимназии содействовала росту оппозиционных настроений Писемского по отношению к начальству. Директор гимназии воровал казенные деньги и преследовал строптивых учителей и гимназистов, законоучитель поп Никита — развратник, прикрывал свои грешки маской аскета, инспектор добился своей должности благодаря тому, что женился на директорской дочери.

Свои гимназические годы, как и годы учебы в университете и службу в Костроме, Писемский впоследствии подробно описал в автобиографическом романе «Люди сороковых годов». Судя по этому роману, на Писемского в Костромской гимназии большое влияние имел учитель математики, которого он изобразил под именем Николая Силыча Дрозденко. Вольнодумец и демократ Дрозденко в беседах с Писемским (себя Писемский изобразил в романе под именем Павла Вихрова) разоблачал злоупотребления чиновников, лицемерие духовенства. Эти беседы оставляли глубокий след в душе впечатлительного юноши. Однажды, когда Дрозденко рассказал Павлу про взяточничество губернатора и полицмейстера, Павел с горячностью воскликнул: «Этаких людей стоит поставить перед собой, да и стрелять в них из этой винтовки!» (Дело происходило на охоте)¹.

Под влиянием бесед с учителем Писемский пишет сочинение «Случайный человек», в котором гневно обличает корыстолюбие, карьеризм, подхалимство чиновников и, в частности, инспектора гимназии. Смелая выходка едва не стоила Писемскому исключения из гимназии.

По окончании гимназии в 1840 году Писемский поступил на математический факультет Московского университета. В университете продолжал увлекаться литературой и театром. Особенно полюбил он Пушкина, Гоголя, пламенные статьи Белинского. А успехи его в театральном искусстве были так велики, что один из современных Писемскому критиков (Б. Алмазов) ставил исполнение Писемским-студентом роли Подколесина (в «Женитьбе» Гоголя) выше игры великого русского актера Щепкина.

В это время значительное влияние на Писемского имел его земляк П. А. Катенин. Приезжая на каникулы на родину, молодой студент навещал Катенина. Завязывались оживленные беседы и споры по вопро-

¹ А. Ф. Писемский. Собрание сочинений, изд. 3-е, т. 5, СПб, 1911, стр. 72.

сам литературы, искусства. У Катенина Писемский учился мастерству декламации. Свои встречи с Катениным он тоже описал в романе «Люди сороковых годов», где Катенин изображен под именем А. И. Коптина.

В 1844 году Писемский окончил университет и уехал на родину, жил сначала в Раменье, затем в Галиче. Между прочим, из Галича он писал ректору Московского университета о высылке ему аттестата об окончании университета. К этому времени отец его умер, мать лежала, разбитая параличом. Жить было почти нечем, и Писемский вынужден был в 1845 году поступить на службу в Костромскую палату государственных имуществ, откуда в том же году перевелся в Московскую палату. В начале 1847 года он вышел в отставку.

Во время пребывания в Москве Писемский познакомился с А. Н. Островским, и между ними установилась дружба на всю жизнь. Два писателя-земляка (усадьба Островского Щелыково тоже находилась на территории Костромской губернии) вели постоянную оживленную переписку, делились своими творческими планами. Великий драматург много содействовал публикации ряда произведений Писемского, в частности повести «Тюфяк». Он так уважал Писемского, что в конце своей жизни не раз высказывал желание быть погребенным рядом с ним.

К 1845—1846 годам относится начало основной литературной деятельности писателя. В это время он написал роман «Боярщина». Роман был охотно принят редакцией «Отечественных записок», но запрещен цензурой и увидел свет только в 1858 году.

В 1847—1848 годах Писемский живет то в Раменье, то в Галиче. В Галиче в 1847 году он заканчивает свой рассказ «Нина» и посылает его С. П. Шевыреву в Москву для напечатания. В это время он был еще не уверен в своих творческих способностях. В письме к Шевыреву из Галича 13 марта 1847 года Писемский откровенно сообщает: «Я пишу давно, пишу, манкируя моими практическими обязанностями, но труды мои были келейными, и потому я еще

не знаю, есть ли это мое истинное призвание, хотя почти всем для этого жертвую»¹. Рассказ «Нина» был напечатан в 1848 году. Он и был первым из произведений Писемского, увидевшим свет.

В том же году Писемский женился на дочери основателя журнала «Отечественные записки», галичанина родом, П. П. Свинына и двоюродной сестре поэта А. Н. Майкова, Екатерине Павловне. Эта женщина сыграла в жизни Писемского большую роль. Она жила литературными интересами мужа. На своем веку она переписала больше двух третей всех сочинений Писемского, чтобы подготовить их к печати.

В октябре 1848 года Писемский снова поступает на службу младшим чиновником особых поручений при костромском губернаторе. Одновременно он исполнял обязанности секретаря секретного комитета по делам о раскольниках. Служебная деятельность Писемского в Костроме на этот раз продолжалась до 1854 года. Она дала Писемскому возможность накопить огромный материал для будущих произведений. По роду своей службы ему приходилось много ездить по губернии, производить всевозможные расследования. Писемский видел процесс разорения и разложения крепостной деревни, процесс перехода экономики России на капиталистические рельсы.

В костромской глуши, с обилием помещичьих усадеб, в то время творились страшные беззакония и жестокости помещиков, прикрываемые взяточниками-чиновниками и православным духовенством. В «Костромских губернских ведомостях» все чаще и чаще сообщалось, с одной стороны, о продаже с молотка имений разорившихся помещиков, а с другой, о продаже крестьянского имущества за неуплату налогов, оброка, о розыске беглых крепостных, «о пойманных бродягах». Несмотря на самые суровые меры, предпринимаемые костромскими большими и малыми начальниками, крестьяне бежали от своих помещиков куда глаза глядят.

Кроме дел «о беглых», «о разбойниках», в Костром-

¹ А. Ф. Писемский. Письма, изд. АН СССР, М—Л., 1936, стр. 24.

ской губернии в 50-х годах прошлого столетия было много дел «о раскольниках». Раскольничьи секты в нашем крае были многочисленны и разнообразны. Правительство и православное духовенство систематически преследовали раскольников, закрывали их молельни, насильно обращали их в православие.

Писемскому, в качестве чиновника особых поручений, часто приходилось разбирать дела и о беглых, и о разбойниках, и о раскольниках. Все это еще больше помогало ему узнать подлинную жизнь народных масс и познакомиться с преступлениями помещиков и чиновников.

Видал Писемский и наступление капитализма на костромскую деревню. Характерным явлением в деревнях северной части Костромской губернии было отходничество. Чухломские, галичские и солигаличские оброчные крестьяне, чтобы выплатить оброк помещику и прокормить свою семью, вынуждены были уходить на заработки в Петербург и другие большие города, превращаясь в «питерщиков». Они нанимались на работу к своим землякам, кулакам-подрядчикам. «Питерщики» находились в двойной кабале: у помещика и подрядчика, причем роль последнего все более усиливалась; «чумазый» не менее беспощадно эксплуатировал своих земляков, чем барин. Зоркий наблюдатель, чуткий художник, Писемский все это подмечал и впоследствии отразил в своем творчестве.

Писемский сочувствовал угнетенному крепостному крестьянину и надеялся, что ему, как честному чиновнику, удастся в какой-то степени защитить мужика от произвола помещиков и местных властей. Но эти иллюзии терпели крах. С горечью вспоминал впоследствии писатель об этом в романе «Люди сороковых годов»: «Нет более трагического положения, как положение человека, который бы у нас в России вздумал честно служить. Трудно вообразить себе, до какой деморализации дошло у нас так называемое чиновничество. На целый губернский город выщелется не более двух-трех сносно-честных людей»¹.

¹ А. Ф. Писемский. Собр. соч., т. 5, стр. 562.

В письме к поэту А. Н. Майкову от 8 мая 1854 года он характеризует местную власть как «преподлейшее костромское начальство».

Служба отнимает у писателя очень много времени, выматывает его силы, причиняет большие моральные страдания. Писемский жалуется в письме из Костромы Погодину 21 декабря 1851 года: «Богу одному известно, как я во все это время измучился и устал. Когда пишу это письмо, у меня умирает маленький мой ребенок, но, несмотря на это, я сейчас еду на следствие по смертоубийству, по делу, на котором должен неумоимо действовать, сколько по обязанности чиновника, но более того, как человек. Просто не достаёт сил на все те разнообразные обязанности, которыми я обставлен»¹. В письме к Краевскому в том же году он пишет: «Для литературных занятий моих у меня остается одна ночь»². А в следующем году он с горечью сообщает Погодину: «Если бы вы знали, как трудно и как неудобно заниматься беллетристикой мелкому губернскому чиновнику... К литературному делу явилась лень и трусость, какое-то недоверие к самому себе, а ободрить некому. Если я еще останусь на долгое время в Костроме, то решительно перестану писать»³.

Писемский все более и более тяготеет своим положением. Он не только страдает морально, но и терпит материальные лишения. Жалованья не хватает на самое скромное существование с семьей. Так, в письме к издателю журнала «Москвитянин» Погодину от 25 мая 1851 года он просит выслать 250 рублей и добавляет: «Деньги мне очень нужны; в ожидании будущих благ я теперь занимаю»⁴. В письме от 20 марта 1852 года А. Н. Островскому он пишет: «Сил моих не достаёт жить в Костроме. Так все огадило»⁵.

Осенью 1852 года он пишет Погодину «о пошлой костромской жизни». В этом письме он сообщает так-

1 А. Ф. Писемский. Письма, стр. 45.

2 Там же, стр. 41.

3 Там же, стр. 532.

4 Там же, стр. 38.

5 Там же, стр. 49.

же о скверном положении с медицинской помощью в Костроме: «Вот уже месяц, как ни днем, ни ночью не знаю покою от зубной боли, и, к несчастью, здесь очень много господ, которые готовы и сумеют выбить зубы у своего брата, но выдернуть зубы никто не умеет»¹.

Несмотря на такую обстановку, годы пребывания Писемского в Костроме и Костромской губернии были периодом его большого творческого подъема. В перерывы между служебными командировками и по ночам Писемский в своей квартире в доме Третьякова, на Ивановской улице, много пишет. В письме к Краевскому от 17 августа 1851 года о своей повести «М-г Батманов» он сообщает: «Писавши этот роман, я едва не потерял зрение, желая поспешнее исполнить данное мною слово вашему журналу, но весь мой усиленный труд пропал от прихоти цензора безвозмездно... Видит бог, сколько я желаю трудиться и сделать хоть что-нибудь для русской литературы»².

В 1850 году вышла из печати его повесть «Тюфяк», а в 1851 году — «Брак по страсти», которые были очень хорошо приняты критикой и сделались в литературных кругах злобой дня.

Писемский с первых произведений выступает как реалист-сатирик, представитель гоголевской «натуральной школы». Срывание масок, разоблачение убогой действительности становятся характерной чертой его творчества. Все эти Перепетуи Петровны, Феокисты Савишны, Кураевы («Тюфяк»), Ступицины («Брак по страсти») весьма напоминают героев «Мертвых душ». По словам Анненкова, в этих произведениях «била прямо в глаза русская мещанская жизнь, вышедшая на божий свет, торжествующая своей открытой дикостью»³.

В 1851 году, кроме «Брака по страсти», Писемский публикует роман «Богатый жених», рассказ «Комик», а в 1852 году — комедию «Ипохондрик», повесть «М-г Батманов», очерк из крестьянского быта «Питерщик».

¹ А. Ф. Писемский. Письма, стр. 49.

² Там же, стр. 41.

³ П. Анненков. А. Ф. Писемский как художник и простой человек.

В эти годы он сближается с журналом «Современник», устанавливает оживленную письменную связь с Н. А. Некрасовым, сообщая ему о своих творческих замыслах. Роман «Богатый жених» был напечатан в «Современнике». Там же в 1853 году Писемский печатает комедию «Раздел», рассказ «Леший», а в 1854 году рассказ «Фанфарон». Слава Писемского как писателя растет.

Большинство названных произведений было создано писателем на костромском материале, в основу их положены многие действительные факты из жизни Костромы, Галича, Чухломы, из жизни костромской крепостной деревни.

Так, в некоторых очерках из серии «Русские лгуны», особенно в очерке «Богатые лгуны и бедный» и «Красавец», Писемский изобразил наш край, изобразил галичанин и костромичей. Здесь мы встречаем и Галичское озеро, и Свинынскую гору (в Галичском районе), и распространенную в Галиче фамилию Вакориных, находим описание катанья в Костроме на масленице и другие детали быта местного населения. В основу трагедии «Самоуправцы» Писемский, очевидно, положил факт крестьянского восстания в 1794—1796 годах в усадьбе Занино, Чухломского уезда, которая принадлежала богатому помещику Н. Ф. Катенину, жестокому самодуру. В подвалах своего дома он пытал и истязал крестьян.

Писемский показал себя правдивым и ярким бытописателем провинциальной глуши. В своих произведениях он разоблачал пустоту и убожество жизни местных помещиков. Герои ряда повестей Писемского — даровитые люди, которых заела обывательская среда, провинциальные Печорины самого мелкого пошиба.

Живя в Костроме, Писемский внимательно следит за всеми значительными событиями в русской литературе. Он приветствует выход в свет комедии Островского «Свои люди — сочтемся», высказывает о ней ряд ценных критических замечаний. Положительно отзываясь и о другой пьесе своего друга — «Бедная невеста». Весьма остро переживает он весть о смерти Н. В. Гоголя. В письме к Островскому от 20 марта

1852 года он не скрывает, что плачет о смерти Гоголя и просит: «Купите, бога ради, мне портрет Гоголя, если есть хороший — то самый лучший, а если нет, то какой-нибудь»¹.

Писемский не только выписывает для себя в Кострому все наиболее значительные журналы того времени, но и занимается распространением журнала «Москвитянин», вербует подписчиков на него в Костроме, Буге и других городах.

Известное разнообразие в костромскую жизнь писателя вносит театр. Писемский увлекается театральным искусством. Он участвует в любительских спектаклях, превосходно играет различные, преимущественно комические, роли. В это время он сближается со своим товарищем по службе А. А. Потехиным, тоже писателем и драматургом, активным участником любительских спектаклей в Костроме. Дружеские связи устанавливаются у Писемского в это время и с другим писателем-земляком С. В. Максимовым.

Отдавшись литературе, Алексей Феофилактович задумал оставить службу в Костроме и переехать в Москву или Петербург. Вместо этого по прощам костромского начальства он получает в декабре 1853 года распоряжение о переводе в Херсон (по выражению Писемского, «зачем не был подлецом-чиновником»). Теперь ему ничего не оставалось, как подать в отставку и уехать в конце декабря 1853 года в свое Раменье. Здесь он прожил до конца 1854 года, много работал. Деревенская обстановка, прекрасная природа окрестностей Раменья в основном благоприятно отразились на творчестве Писемского. Именно здесь в это время из-под пера его выходят рассказ «Фанфарон», очерк «Плотничья артель», пьеса «Ветеран и новобранец».

Из заброшенной в чухломских лесах усадьбы он продолжает пристально следить за политической и литературной жизнью в стране: за Крымской войной, за книжными новинками, за критическими статьями (по журналу «Современник»). Ведет оживленную переписку с Островским, Некрасовым, Майковым. Дает

¹ А. Ф. Писемский. Письма, стр. 49.

критические оценки стихам Майкова и Фета, пьесам Островского. О пьесе Островского «Бедность — не порок» он пишет 17 июня 1854 года автору: «Надобно бы больше развить левую (то есть критическую — В. К.) сторону»¹. Упорно воюет с цензурой, которая не пропускает на сцену его комедию «Ипхондрик».

В часы отдыха играет со своими детьми, ездит верхом, ловит рыбу, наслаждается родной природой. В письме к Майкову от 8 мая 1854 года он пишет: «Я теперь блаженствую, упиваясь весной, которая стоит у нас чудная, и только когда подумаешь о том, что делается на театре войны, так невольно сердце замрет»². В июле того же года он сообщает одному из своих друзей: «Шляюсь по полям и ловлю рыбу, только не удочками, а так называемыми куретами, вроде маленького бредня»³.

Но одиночество тяготит его. «Пишу много, но ни прочитать, ни посоветоваться не с кем», — жалуется он в письме к А. А. Краевскому 17 июня 1854 года⁴. Удручает Писемского и материальная нужда, о чем он откровенно говорит в письме к Н. А. Некрасову 7 октября 1854 года: «Я не знаю, как и промаять нынешний год, имея в литературе единственный ресурс к существованию и не получив ниоткуда ни копейки, дошел окончательно до убеждения, что в России покуда литературой жить невозможно»⁵.

Материальная нужда и стремление быть ближе к центрам литературной жизни заставляют Писемского покинуть Раменье и переехать в Петербург.

В январе 1855 года Писемский появился в Петербурге. Он был принят здесь как уже известный писатель и вместе с тем как какая-то диковинка, оригинал. Его коренастая фигура, опромная голова с широким лбом, с большими, на выкате, выразительными глазами, его чисто русская речь с оттенком костромского

1 А. Ф. Писемский. Письма, стр. 77.

2 Там же, стр. 75.

3 Там же, стр. 77.

4 Там же, стр. 76.

5 Там же, стр. 77.

говора, с ударением на «о», пересыпанная «крепким словом», за которым Писемский никогда в карман не лазал — все это невольно обращало на него внимание петербургского общества. П. В. Анненков говорил по этому поводу: «Возникла мысль у каждого, что перед ним стоит исторический великорусский мужик, прошедший через университет». Действительно, в это время Писемский на многое смотрел глазами костромского мужика. Недаром для него открываются страницы лучшего, самого передового журнала того времени — «Современника», органа революционной демократии.

Годы творческого общения с Некрасовым и другими великими русскими писателями, работавшими в «Современнике», становятся периодом наивысшего расцвета таланта Писемского. В 1856 году выходят отдельным изданием его «Очерки из крестьянского быта», в 1857 году печатается рассказ «Старая барыня», а вскоре появляются в свет лучшие произведения Писемского — роман «Тысяча душ» (1858 г.) и драма «Горькая судьбина» (1859 г.). В 1858 году был, наконец, напечатан и роман «Боярщина», в течение 12 лет задерживаемый цензурой.

Переехав в Петербург, Писемский не забыл свой родной костромской край. Никогда и нигде еще в русской литературе не нашла такого отражения жизнь всех слоев населения дореформенной костромской провинции, как в «Очерках из крестьянского быта», романах «Боярщина» и «Тысяча душ», драме «Горькая судьбина» и напечатанном в 1862 году рассказе «Батька».

В частности, в «Очерках из крестьянского быта» дана широкая картина быта костромской крепостной деревни. Уже в очерке «Питерщик» реалистически показано много мрачных сторон этого быта: обычная доля «питерщиков», тяжелое положение женщин-крестьянок. Вот как описывается в этом очерке обстановка в чухломской деревне. «Весь тамошний народ ходит на чужую сторону, то есть в Москву или Петербург, а есть и такие, которые забираются и в Гельсингфорс и даже в Одессу, и промышленуют там по столлярно-

му, стекольному, слесарному мастерству... Отправляю парнишку с Веденеем Ивановичем и бегают он по Петербургу или по Москве, с ног до головы перепачканный: щелчками да тасканием не обходят — нечего сказать, уму-разуму учат. Но вот прошло пять лет: парень из ученья вышел, подросток совсем... Как пришел великий пост, так и начали молодого в Питер собирать: прибрали попутчиков, привязал он к спине котомку и пошел»¹.

В «Очерках из крестьянского быта» выступили настоящие костромские мужики, изображенные с большой теплотой, но без слащавости. Особенно сильное впечатление производит очерк «Плотничья артель», которая, по словам Полевого, поразила всех правдивостью. В ней выступают яркие фигуры плотника Петрухи и кулака-подрядчика Пузича. Писатель показал, как хитрый подрядчик Пузич эксплуатирует своих односельчан, а замечательный мастер своего дела бедняк-плотник Петруха попадает к нему в кабалу.

Петруха — могучий, стойкий характер. Одаренность, независимость, сознание собственного достоинства — основные черты Петра. Своим замечательным мастерством он внушает невольное уважение к себе среди плотничьей артели. Без Петра артель не может обойтись, он является в ней уставщиком. Сам Пузич признает его «мастером отличнейшим, в лучшем виде» и на работе вынужден выполнять указания Петра. Петруха держится независимо, не унижается не только перед подрядчиком, но и перед барином, разговаривает с ним смело, с оттенком иронии. Он прямо заявляет барину: «Ты не смотри, что мы в лаптях ходим, а ведь на три аршина в землю видим». В его речах много остроумия. Петра не сломили ни бедность, ни тяжелая работа, ни издевательства мачехи. Он разоблачает и своего подрядчика, и барского приказчика Семена, и свою мачеху, выступает как защитник угнетенных и незаслуженно оскорбленных. Решительно встает на защиту своей жены, над которой издевалась

¹ А. Ф. Писемский. Сочинения, том 2-й, М., 1956. стр. 81—82.

мачеха. А когда Пузич с лакеем одной помещицы Фомкой стали избивать молодого плотника Матюшку, Петр, не задумываясь, бросился отнимать его и убил ненавистного эксплуататора Пузича. Он не раскаивается в этом и на вопрос: «Злодей, — что ты наделал?» — спокойно отвечает: «Давно уж, видно, мне дорога туда сказана!» А связывавшему его сотскому Петр насмешливо говорит: «Что больно крепко вяжешь? Не убегу». Правда, он, вследствие своей темноты, еще не знает настоящих путей борьбы против угнетения и несправедливости, верит в колдовство, но это не основное в его образе, являющемся живым воплощением высоких положительных черт русского народа, придавленных, но не уничтоженных крепостным строем. Он до некоторой степени является предшественником героя поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» — Савелия, богатыря святорусского.

Наряду с образом Петра в этом очерке замечателен образ старика Сергеича. Это изумительный мастер народной образной речи, знаток свадебных обрядов, приговоров.

В «Плотничьей артели» показано, какие таланты скрыты в народе и как в среде крестьянства нарастает ненависть к Пузичам. В этом и других «Очерках из крестьянского быта» описываются также местные народные обычаи, деревенские развлечения, свадебные обряды. Названия мест, где происходят события, невымышленные. Здесь мы встречаем Кострому, Чухлomu, Галич, Буй, Солигалич, Макарьев, Парфеньев, села и деревни Чухломского, Солигаличского и Галичского уездов: Сенную, Богоявление-Раменье, Корцово, Вонышево, Маслово, Терентьево, Понизье, Макарово, Зеленцыно, Дьяконово и др.

«Очерки из крестьянского быта» в свое время завоевали всеобщее признание и вызвали одобрителную оценку со стороны Н. Г. Чернышевского, который назвал их «прекрасными рассказами из простонародного быта». Но Чернышевский вместе с тем указал на эмпиризм, свободу от «рациональных теорий» и происходящую отсюда бедность художественных обобщений, недостаточную идейную заостренность очерков

Писемского¹. Писемский критиковал крепостническую Россию, но не звал читателя к борьбе против ее общественно-политического строя.

В романе «Тысяча душ», написанном под костромскими впечатлениями, писателем развернута широкая панорама русской провинциальной жизни и выведена галерея остро сатирических образов. Автор с большой силой показал моральное разложение дворянства, продажность и карьеризм чиновников. Весь правительственный аппарат оказывается продажным снизу доверху. В этом романе картины жизни уездного и губернского городов иногда до мелких подробностей напоминают Галич, Чухлому, Кострому 50-х годов прошлого столетия. Вот как, например, описывается быт уездного города, в котором начал свою карьеру главный герой романа Калинович. «В маленьких мещанских домиках начали просыпаться. Стал показываться из труб дым, и по улицам распространился чувствительный запах рыбы и лука — признак, что хозяйки начали стряпать. Из слободы сошли к берегу два запоздалые рыбака и, помолвившись на собор, спустили лодки... Обедня отошла. Купцы в лавках принялись пить чай с калачами. В открытых окнах присутственных мест стали видны широкие, немного опухлые лица столоначальников и ненадолго высываться завитые и на помаженные головы писцов. У подъезда начали останавливаться сначала дрожки казначея, потом исправника, судьи и так далее. Проехал лекарь по визитам. Этот час вряд ли не самый одушевленный; но потом, часу во втором, около присутственных мест не видно уже ни одной лошади. Окна все спущены; приказчики в лавках от нечего делать подманивают гуляющих на площади голубей известным звуком: «гуля, гуля»... В четыре часа с половиной ударят к вечерне. Все начинает мало-помалу оживать. Выспавшиеся мещанки с измятыми лицами идут к колодцу умываться. Из уездного и духовного училища высыпают школьники, и если встретятся, то и подерутся... На валу появляются гуляющие группы.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III, СПб, 1906, стр. 138.

причем молодые дамы и девицы блестят на солнце своими ярко-цветными платьями и своими тоже яркими шляпками»¹. Далее писатель сообщает небольшую, но характерную подробность: «В четверг, который был торговым днем в неделе, многие из учеников, мещанских детей, не приходили в класс и присутствовали на базаре: кто торговал в лавке за батьку, а кто и так зевал»².

Можно утверждать, что в основу этого описания Писемский положил картину быта старого Галича. Здесь и слобода, в которой живут рыбаки, и соседство уездного и духовного училищ, и гулянье на валу (остатках земляных укреплений, окружавших центр Галича), которое было очень распространенным явлением в старом Галиче, и базары по четвергам, когда действительно многие из учеников уездного училища не ходили на занятия, а помогали родителям в торговле (об этом говорят архивные материалы Галичского уездного училища). Конечно, нечто подобное писатель мог наблюдать и в других уездных городах Костромской губернии, в частности в Чухломе.

Показывая язвы дворянско-чиновничьего общества дореформенной России, Писемский в романе «Тысяча душ» не указывает радикальных средств борьбы с ними. И образ главного героя романа, Калиновича, получился противоречивый.

Выдающимся произведением Писемского была «Горькая судьбина». Это первая в русской литературе драма из крестьянской жизни. В ней изображена трагедия женщины-крестьянки. Драма носила ярко выраженный антикрепостнический характер. В «Горькой судьбине» Писемский приводит читателя к выводу, что крепостное право неизбежно ведет к надругательству над человеческим достоинством крестьянина, ломает и уродует его жизнь даже под властью таких «либеральных» помещиков, как Чеглов-Соковин.

¹ А. Ф. Писемский. Сочинения, т. 3, М., 1956, стр. 65—66.

² Там же, стр. 69.

По первоначальному замыслу оброчный крестьянин-«питерщик» Ананий, обнаружив сожитительство своей жены с помещиком, убивал помещика. В окончательной редакции это опасное для цензуры место было изменено.

Есть основания полагать, что в основу своей пьесы Писемский положил судебные дела, разбиравшиеся в Чухломском уездном суде: «Об убийстве Владимиром Михайловым своего двадцатинедельного сына Льва» (1847 г.) и «О нанесении Герасимом Григорьевым раны ножом в грудь помещику Чухломского уезда усадьбы С. Арсению Дмитриевичу Ермолаеву» (1857 г.). Оба эти случая произошли в усадьбе Селиваново, на территории нынешнего Повалихинского сельсовета, Чухломского района.

Центральным образом драмы Писемского является крестьянин-«питерщик» Ананий Яковлев. Это умный, сильный, гордый человек, который уже не хочет безропотно переносить господство помещиков. Он борется за свою человеческую честь, за свое оскорбленное чувство. Но отсталость политических взглядов Писемского, ограниченность его мировоззрения отразились и на этом его произведении. Ананий мстит помещику Чеглову-Соковину весьма своеобразно: он убивает не барина, а ребенка своей жены, прижитого от барина, и, отдаваясь в руки властей, просит прощения у народа. Несмотря на это, значение драмы «Горькая судьбина», дававшей глубокую и верную картину крепостнических отношений, для своего времени было огромно. Она потрясла передовую часть русского общества. Недаром только после долгих хлопот она была разрешена к печати и постановке на сцене. В течение ряда лет пьеса не сходила со сцены лучших русских театров.

Произведения Писемского 50-х годов получили высокую и справедливую оценку Д. И. Писарева. Писарев считал, что по жизненной полноте своих творений, как «черноземная сила», Писемский стоит выше Тургенева. Особенно высоко оценивал критик роман «Тысяча душ» и рассказ «Комик». Говоря о худо-

жественной манере писателя, Писарев писал: «Писемский лепит прямо с натуры, и создания его выходят некрасивые, грубые, кряжистые, как некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша»¹.

«Грубоватость» Писемского впоследствии отмечали Чехов и Горький. Но вместе с тем большинство критиков указывало на конкретность образов, меткость и выразительность языка этих произведений. Писемский умел мастерски воспроизводить речь костромских крестьян, с ее характерными особенностями, но не перегружая диалектизмами. С. А. Венгеров ставил это Писемскому в особую заслугу. Он писал: «Такого мужицкого говора, как в «Горькой судьбине» или «Плотничьей артели», нет решительно ни у одного из русских писателей... У Писемского действуют смышленнейшие люди из народа, «питерщики», они говорят о самых разнообразных предметах и тем не менее все время общий характер их речи выдержан самым строгим образом»².

В конце 50—60-х годов, в период резкой борьбы между революционно-демократическим и либерально-буржуазным лагерем, Писемский порвал с «Современником» и оказался в лагере реакции. Осенью 1860 года он становится редактором журнала «Библиотека для чтения» и в следующем году печатает в нем ряд своих фельетонов под псевдонимом Никиты Бескрылого, в которых яростно нападает на все демократическое движение. Эти фельетоны вызвали энергичный протест со стороны представителей революционно-демократического движения. Популярность Писемского среди передовой части русского общества быстро падает. В апреле 1862 года он уехал за границу и, с надеждой как-то оправдать себя в глазах прогрессивных кругов, совершил специальную поездку к Герцену, в Лондон. Но это не помогло. После встречи с Герценом Писемский пишет роман «Взбаламученное море», в котором дает искаженное изображение передовой русской молодежи, чем вызывает резкую от-

¹ Д. И. Писарев. Сочинения, стр. 230 и 249.

² С. А. Венгеров. А. Ф. Писемский, СПб.—М., 1864, стр. 87.

поведь со стороны демократической критики. Этот роман был напечатан в 1863 году в реакционном журнале, издававшемся Катковым, — «Русский вестник». В том же году Писемский переехал в Москву и стал сотрудником «Русского вестника», но ненадолго. Затем он снова поступает на службу (советником в Московское губернское правление). Однако служба ни в какой мере не может удовлетворить его, ибо он, по собственному его выражению, оставался «органически неизлечимым литератором». Писемский по-прежнему много пишет. За последние 15 лет своего творчества он написал четыре больших романа, десять пьес и ряд очерков и рассказов. И все-таки это был закат его творчества. Судьба Писемского как писателя является наглядным доказательством того, что отрыв от народа, от передовых идей современности ведет к угасанию таланта. Написанные им в 60—70-е годы романы и пьесы ни по идейной глубине, ни по художественным качествам не приближаются к лучшим произведениям писателя 50-х годов.

Правда, в 70-х годах, уловив зорким глазом художника характерное для тех лет развитие капитализма в России, Писемский создал ряд антикапиталистических пьес: «Ваал» (1873 г.), «Подкопы» (1873 г.), «Просвещенное время» (1875 г.), «Финансовый гений» (1876 г.), но этим пьесам не хватало художественности, их образы примитивны. Последние романы Писемского «Мещане» (1878 г.) и «Масоны» (1881 г.) были далеки от современности и прошли почти незамеченными.

В конце своей жизни Писемский очень часто болел. Сильно подорвали его здоровье большие несчастья в семье: старший его сын по неизвестным причинам застрелился, другой сын заболел психическим расстройством. Последним светлым моментом в жизни Писемского было его участие в торжестве по случаю открытия в Москве памятника А. С. Пушкину в 1880 году. Полгода спустя, 21 января 1881 года, А. Ф. Писемский умер и был похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Писемский горячо любил родину, великий русский народ, свой родной край и стремился правдиво изобразить их. В речи по случаю двадцатипятилетия своей литературной деятельности (19 января 1875 года) он сказал: «Единственную путеводную звездою во всех трудах моих было желание сказать моей стране, по крайнему разумению, хоть, может быть, и несколько суровую, но все-таки правду про нее самое»¹. Действительно, в своих лучших произведениях он сказал эту правду, воспроизвел существенные стороны русской жизни в ярких, конкретных образах.

Писатель верил в могучие творческие силы русского народа, в его светлое будущее. Устами одного из героев романа «Люди сороковых годов» Писемский сказал: «Русский на все руки мастер»², — и в своих очерках и рассказах показал таких мастеров на все руки из среды нашего костромского крестьянства.

О творчестве Писемского с большой похвалой отзывались многие выдающиеся представители русской литературы и литературной критики. Вот что, например, писал А. П. Чехов в 1893 году: «Читаю Писемского. Это большой, большой талант... Люди у Писемского живые, темперамент сильный... У него все попы, чиновники и генералы — сплошные мерзавцы. Никто не оплевал так старый суд и солдатчину, как он»³. А. М. Горький, в известной мере подтверждая оценку, данную Чеховым, писал в своей «Истории русской литературы» о Писемском: «Умный скептик Писемский всю жизнь издевался над дворянином, рисуя его карикатурно и грубо смеясь над ним»⁴. Он относил Писемского, наряду с Тургеневым, Толстым, Некрасовым и Григоровичем, к «столпам русской литературы».

Ценность лучших произведений Писемского заключена в той резкой правдивости, с которой он

¹ А. Ф. Писемский. Собр. соч., т. 5, стр. 32.

² Там же, стр. 251.

³ А. П. Чехов. Сочинения, 1929, т. 24, стр. 289.

⁴ М. Горький. «История русской литературы», 1939, стр. 253.

изобразил помещичью и чиновничью Русь, хищнический характер капитализма. Он разоблачил в этих произведениях продажность и карьеризм царского чиновничества, моральное убожество дворянства. Вместе с тем он выразил в них сочувствие и уважение к трудовому народу, к русскому крестьянству.

Юлия Валериановна Жадовская

**Юлия Валериановна
ЖАДОВСКАЯ**

(1824—1883)

Кто из представителей старшего поколения советских людей не знает стихотворения «Нива моя, нива, нива золотая»? В свое время оно было включено в учебники для начальной школы и заучивалось наизусть. Между тем, далеко не все знают, что оно принадлежит перу Юлии Валериановны Жадовской, занимавшей среди русских писательниц XIX века одно из первых мест.

Между ярославцами и костромичами давно идет спор о праве назвать Жадовскую своей писательницей. Этот спор не имеет принципиального значения. Своей жизнью и творчеством писательница связана и с той и с другой областью. Можно сказать только, что на территории Костромской области прошла половина ее жизни, материал для своего творчества она черпала тоже в значительной степени из костромской действительности. Следовательно, костромичам Жадовская не менее близка, чем ярославцам.

Родилась она 10 июля 1824 года в с. Субботине, Любимского уезда, Ярославской губернии. Отец ее, дворянин, служил чиновником особых поручений при ярославском губернаторе.

Личная жизнь Юлии Валериановны сложилась неудачно. Она родилась калекой: левой руки у нее

совсем не было, а правая была короткая (до локтя), и на ней было только 3 пальца. Кроме того, она страдала болезнью глаз. Все это впоследствии было источником тяжелых переживаний поэтессы. Трехлетним ребенком Жадовская лишилась матери и была отдана отцом на воспитание бабушке Н. П. Готовцевой, жившей в сельце Панфилове, Буйского уезда (теперь это территория Воскресенского сельсовета, Буйского района). Здесь и прошли ее детство и ранняя юность.

Годы жизни в Панфилове Жадовская впоследствии описала в своем автобиографическом романе «В стороне от большого света». Уже в детстве у нее обнаружались недюжинные способности. Еще на пятом году она выучилась читать и очень пристрастилась к чтению. По словам брата, Павла Валериановича Жадовского, тоже поэта, «она поглощала все то, что заключала в себе небогатая библиотека старушки». Книги и деревенская природа оставили неизгладимое впечатление в ее душе. «Так росла она, — пишет брат, — пользуясь деревенской полной свободой, на лоне природы... под благотворным влиянием которой складывался характер девушки, мечтательный, вдумчивый, терпеливый».

Тринадцати лет Жадовскую взяла к себе в Кострому для обучения французскому языку ее тетя (по матери) А. И. Корнилова, образованная женщина, поэтесса. Прожив в Костроме около года, девочка вернулась к бабушке, а затем, на 15-м году, была отдана в костромской пансион Прибытковой, где стала лучшей ученицей. Успехами в русской словесности она обратила на себя внимание преподававшего этот предмет талантливого педагога Петра Мироновича Перевлесского. Тот поощрял первые опыты Жадовской в поэзии. Молодой учитель полюбил свою способную ученицу. Та ответила взаимностью. Влюбленные просили у Жадовского разрешения пожениться. Но отец Юлии Валериановны, человек грубый и деспотичный, не только не дал согласия на брак дочери с разночинцем, но разлучил их, добившись перевода Перевлесского (против его желания) в Москву, а

дочь взял к себе в Ярославль. В своем автобиографическом романе Жадовская пишет о своем отце: «В домашней жизни он создал себе железный трон, и воля его близких, нравственная самостоятельность их личности разбивалась об этот трон». Девушка покори-лась воле отца, но эта драма и связанные с ней мо-ральные страдания наложили глубокий отпечаток на многие ее произведения. В них, по справедливому замечанию Н. А. Добролюбова, звучало горькое, зата-енное страдание»¹.

Чтобы как-то заполнить пустоту своей жизни, Жадовская берет на воспитание свою двоюродную сестру — сироту Н. П. Готовцеву, которая впоследст-вии стала как бы домашним секретарем Юлии Вале-риановны.

Писать Жадовская начала с 1842 года. В 1844 году в журнале «Москвитянин» было напечатано ее стихотворение «Водяной». Стихотворения Жадовской печатались в «Московском городском листке» и в «Московском сборнике». Вначале ей приходилось пи-сать тайком от отца. Но, проведав о поэтических опытах дочери, отец решил дать ход ее творческим способностям и повез ее сначала в Москву, а затем в Петербург. Здесь она познакомилась с некоторыми выдающимися русскими писателями, в частности с И. С. Тургеневым. В 1846 году выходит первый сбор-ник стихотворений Жадовской. Он был замечен чита-телями и критикой. На него отозвался и В. Г. Белин-ский. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он писал: «Стихотворения г-жи Юлии Жадов-ской были превознесены почти всеми нашими журна-лами. Действительно, в этих стихотворениях нельзя отрицать чего-то вроде поэтического таланта. Жаль только, что источник вдохновения этого таланта не жизнь, а мечта... Почти в каждом своем стихотво-рении не спускает она глаз с неба и звезд, но нового ничего там не заметила...»². Таким образом, Белин-ский, с одной стороны, признал в Жадовской наличие

¹ Н. А. Добролюбов. Сочинения, М., 1950, т. 1, стр. 508.

² В. Г. Белинский. Избранные сочинения, 1947, стр. 558.

поэтического таланта, с другой, критиковал за оторванность ее поэзии от жизни.

Впоследствии Юлия Валериановна с глубоким уважением вспоминала о великом русском критике и по достоинству оценила его. В июле 1858 года она писала профессору Шиллю о Белинском: «Он один умел хотя резко, но верно обозначить достоинство того или другого произведения. Его сухая правда ценилась мною дорого»¹.

В 1847 году Жадовская написала повесть «Простой случай», в которой изобразила несчастную любовь молодой дворянской девушки и бедного гувернера. За этой повестью следуют другие: «Неумышленное зло», «Отрывки из дневника молодой женщины», «Ни тьма, ни свет», «Непринятая жертва», «Сила прошедшего». В 1857 году Юлия Валериановна поместила в «Русском вестнике» очерк под названием «Жизнь-бытье на Корее. Записки Гульпинской Авдотьи Степановны». В нем вывела несколько лиц, которых наблюдала, живя у бабушки в Панфилове. В том же году был напечатан автобиографический роман «В стороне от большого света».

В это время она начинает сближаться с демократическим лагерем русской литературы, читает журналы «Современник» и «Искра». Ее очень волнует крестьянский вопрос. В письме от 30 сентября 1860 года к профессору И. Н. Шиллю в Петербург Жадовская спрашивает: «Отчего так тянется крестьянский вопрос? Будет ли конец этой истоме, этому лихорадочному ожиданию бедных людей? А что вы скажете о страшной дороговизне всего, которая... душит бедных»².

В 1858 году вышел второй сборник стихотворений Юлии Валериановны, встреченный сочувственной статьей великого русского критика Н. А. Добролюбова. В 1860 году Жадовская познакомилась с Н. А. Некрасовым. Это знакомство с великим поэтом-демократом имело большое и благотворное влияние на ее

¹ Сочинения Ю. В. Жадовской. СПб, 1886, стр. 61.

² Там же, стр. 35.

творчество. Свое сочувствие демократическим идеям поэзии Некрасова и глубокое уважение к поэту Жадовская выразила в стихотворении «Н. А. Некрасову»:

«Стих твой звучит непритворным страданьем,
Будто из крови и слез он восстал,
Полный ко благу — могучим призваньем,
Многим глубоко он в сердце запал.
Он неприятно счастливец смущает,
Гордость и спесь восстают на него.
Он эгоизм глубоко потрясает, —
Верь мне, не скоро забудут его.
Льнут к нему чутким, внимательным ухом
Души, измятые в жизни грозой,
Внемлют ему всескорбящие духом,
Все угнетенные сильной рукой».

В 1861 году вышли из печати две последние ее повести — «Женская история» и «Отсталая».

В 1862 году, чтобы освободиться от опеки деспота-отца, Юлия Валериановна вышла замуж за старика-доктора Карла Богдановича Севена, давнего друга Жадовских. В 1870 году после смерти отца она продала свой дом в Ярославле и купила небольшую усадьбу Толстиково, в Буйском уезде, недалеко от усадьбы бабушки. Здесь она и прожила до конца своей жизни.

На протяжении своего жизненного пути Жадовская побывала во многих местах нашего края. Так, в 1859 году летом она ездила в Солигалич лечиться, провела здесь 2 месяца. В своих письмах к близким о пребывании в Солигаличе Жадовская дала очень меткую и правдивую характеристику тогдашнего солигаличского «общества», его быта. «Солигаличские чиновники, — пишет она, — занимаются разведением кур и уток, ходят на рынок, пока супруги их почивают, пьют, играют в карты и изредка небрежно заглядывают в газету или разрозненный, опоздалый номер журнала. Барыни сплетничают, как везде, сводят тайные и явные интрижки, насчет этого они довольно эмансипированы»¹.

Часто ездила Жадовская в свой уездный город Буй и иногда неделями жила там. Так было в 1845,

¹ Сочинения Ю. В. Жадовской, стр. 71.

1866, 1869 и в 1873 годах. Бытом буйского «общества» она возмущалась не менее, чем бытом солигаличского. Здесь тоже процветали пьянство и картежная игра.

Больше ей нравилась деревенская жизнь. Субботино, Панфилово и особенно Толстиково — вот любимые места Жадовской. Здесь она наслаждается природой, внимательно и с сочувствием следит за жизнью крестьянства. Для укрепления своего здоровья она неоднократно ездила на курортное лечение в местечко Гапсаль, на побережье Балтийского моря. Но это мало помогало. В последние годы своей жизни Жадовская часто болела. Умерла она 23 июля 1883 года в Толстикове и похоронена в с. Воскресенье (на Кореге).

По рассказам современников, Юлия Валериановна была очень чуткой, гуманной женщиной. Местное крестьянское население относилось к ней с большой симпатией. На похороны ее собралось много крестьян.

Прозаические произведения Жадовской слабее ее поэзии. В них много автобиографического. Жадовская говорит о себе, о своих думах и переживаниях, о своей несчастной любви. Но она не замыкается в своем горе. Она полна сознания общности своей судьбы с судьбой других русских женщин — интеллиенток того времени. В двух последних повестях Жадовской («Женская история» и «Отсталая») уже чувствуется влияние революционно-демократических идей 60-х годов. Здесь есть протест против старого барства и выдвигается идея женской эмансипации, освобождения женщины, выражается сознание необходимости самостоятельного труда для женщин. Особенно это видно в повести «Отсталая», где рассказывается о дворянской девушке, порывающей со своей средой после встречи с разночинцами, почитателями Белинского.

Прозаические произведения Жадовской представляют значительную ценность в том отношении, что говорят правду о горькой доле культурной русской женщины XIX века и дают много интересного материала о быте помещиков Костромской губернии. Последнее особенно следует сказать о романе «В стороне от

большого света» и очерке «Жизнь-бытье на Корее».

Главное в творчестве Жадовской — ее поэзия. Знаменитый русский критик Д. И. Писарев давал такую оценку поэзии Юлии Валериановны: «Многие из ее стихотворений стоят наряду с лучшими созданиями русской поэзии»¹. Эта оценка не является преувеличенной. Действительно, многие из стихотворений Жадовской отличаются высокими качествами. Сильное впечатление производят эти стихи своей простотой и задушевностью. «Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота выражения — вот главные достоинства стихотворений Жадовской», — писал в свое время Н. А. Добролюбов². Ю. В. Жадовская — глубокий и тонкий лирик. Но в первом сборнике ее стихотворений господствовали индивидуалистические мотивы: оплакивание любви, задушенной в ее расцвете, воспоминания о любимом человеке, горькое сознание пустоты жизни и бессилие бороться с жестокой судьбой. В этих стихотворениях часто повторялись выражения: «мне грустно», «мне скучно», «я плачу».

Ряд стихотворений Жадовской имел религиозную окраску. Таковы, например, три стихотворения с одним и тем же названием — «Молитва», а также «Ангел-хранитель», «Жажда небесного», «Плач богородицы» и др. Но и среди стихотворений, вошедших в первый сборник, встречаются такие, в которых заметны социальные мотивы, сознание пустоты, ничтожества и лживости окружающего «света», в сопоставлении с подлинной красотой природы. Вот что пишет Жадовская в стихотворении «Меня гнетет тоски недуг».

«Меня гнетет тоски недуг;
Мне скучно в этом мире, друг.
Мне надоели сплетни, вздор —
Мужчин ничтожный разговор,
Смешной, нелепый женщин толк,
Их выписные бархат, шелк,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.

¹ Д. Писарев. Сочинения, т. 1.

² Н. А. Добролюбов. Сочинения, стр. 507.

Мирских сует я не терплю,
Но божий мир душой люблю.
Но вечно будут милы мне
И звезд мерцанье в вышине,
И шум развесистых деревьев,
И зелень бархатных лугов,
И вод прозрачная струя,
И в роще песни соловья».

В 50—60-х годах под влиянием революционно-демократического движения в стране, под влиянием статей Белинского и Добролюбова, под влиянием великого поэта-демократа Н. А. Некрасова в поэзии Жадовской все сильнее и сильнее начинают звучать гражданские мотивы: протест против «ветреной, себялюбивой знати», любовь к родине, сочувствие угнетенному крестьянству, защита бедных и обездоленных. С особенной силой эти мотивы отразились в таких стихотворениях, как «Тунеядцам», «Нет, никогда...», «Современному человеку». Привожу полный текст стихотворения «Нет, никогда...»

«Нет, никогда поклонничеством низким
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальним и ни близким
Из уст моих постыдно не пролью.
Пред тем, что я всегда глубоко презирала,
Пред чем, порой, дрожат достойные, увя! —
Пред знатью гордою, пред роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своим путем, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народ:
И, может быть, к моей могиле неизвестной
Бедняк или друг со вздохом подойдет;
На то, что скажет он, на то, о чем помыслит,
Я, верно, отзовусь бессмертною душой...
Нет, верьте, лживый свет не знает и не смыслит,
Какое счастье быть всегда самим собой».

Многие стихотворения Жадовской посвящены русской природе и среди них широко известно «Нива».

«Нива моя, нива,
Нива золотая,
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая

По тебе от ветру,
Словно в синем море,
Волны так и ходят,
Ходят на просторе,
Над тобою с песней
Жаворонок вьется,
Над тобой и туча
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую,
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую».

Поэтесса с любовью и нежностью рисует нашу северную природу. К этой природе она обращается со своими думами, в ней ищет отклика своим настроениям, в ней стремится найти успокоение и забвение («Все спит кругом», «Ночь», «Вечер», «Звезды», «Впереди темнеет», «Приближающаяся туча» и др.). С особенной любовью она рисует ночь, ночное небо. Одно из стихотворений на эту тему у нее начинается такими строчками:

«Я люблю смотреть
В ясну ноченьку,
Как горят в небе
Яркие звездочки,
Как блестит в лучах
Молодой месяц —
В Волге-реченьке
Отражается».

Часто описания природы соединяются у нее с картинами тяжелой жизни крестьянства Костромской губернии, с горькими размышлениями об этой жизни. Особенно характерным в этом отношении является стихотворение «Грустная картина». Оно выделяется своей простотой, задушевностью и правдивостью.

«Грустная картина:
Облаком густым
Вьется из овина
За деревней дым;

Незавидна местность,
 Скудная земля,
 Плоская окрестность,
 Выжаты поля.
 Все как бы в тумане,
 Все как будто спит...
 В худеньком кафтане
 Мужичок стоит,
 Головой качает
 Умолот плохой
 Думает, гадает
 Как-то быть зимой?
 Так вся жизнь проходит
 С горем пополам;
 Так и смерть приходит,
 С ней конец трудам.
 Причастит больного
 Деревенский поп;
 Принесут сосновый
 От соседа гроб;
 Отпоют уныло...
 И старуха-мать
 Долго над могилкой
 Будет прятывать...»

Картина, нарисованная здесь, потрясает. «Мало слов, а горя реченька», — эти слова Н. А. Некрасова как нельзя лучше подходят к данному стихотворению. Действительно, такова была до Великой Октябрьской социалистической революции жизнь нашего крестьянина. Это стихотворение проникнуто самым горячим сочувствием к обездоленному народу.

Поэтесса страстно хотела улучшить жизнь крестьянства, но путей и средств к этому не знала. В некоторых ее стихотворениях выражена смутная надежда на лучшее будущее родной страны. Так, в одном из стихотворений она писала:

«Говорят: придет пора,
 Будет легче человеку,
 Много пользы и добра
 Светит будущему веку.
 Но до них нам не дожить
 И не зреть поры счастливой,
 Горько дни свои влачить
 И томиться терпеливо...
 Что ж? Закат печальных дней
 Пусть надеждой озарится,

Что и ярче и светлей
Утро мира загорится.
А, быть может, как узнать,
Луч его и нас коснется,
И придется увидеть,
Как заря с зарей сойдется...»

В другом стихотворении свои надежды на новую, лучшую жизнь родного народа она выразила более определенно:

«Все говорят, что бедный наш народ
Поймет свое высокое призванье,
Со временем окрепнет, возрастет...
Прекрасное, благое упование!»

По форме стихотворения Жадовской не безупречны. В свое время Н. А. Добролюбов отмечал, что «рифма часто изменяет ей, иногда выходят стихи неловкие, незвучные, отзывающиеся прозой». Не только рифма, но и ритм иногда «изменяют» поэтессе. Но недостатки внешней отделки стихотворений Жадовской искупаются простотой и задушевностью их. Бросается в глаза простота и чистота языка ее поэзии. Поэтесса возмущается теми писателями, которые злоупотребляют иностранными словами. В письме из Ярославля от 20 октября 1858 года она с негодованием говорит об одной писательнице, которая в своей повести пересыпала русскую речь французскими выражениями. «Зачем же из языка-то делать винегрет или ералаш, смесь французского с нижегородским?» — спрашивает Жадовская¹.

Благодаря простоте и задушевности стихи Ю. В. Жадовской стали доходчивыми до широких масс, приобрели популярность. Имя ее сохраняется в памяти народной. Многие из ее стихотворений положены на музыку великими русскими композиторами, стали широко известны и сейчас исполняются нашими выдающимися артистами. К числу их относятся романсы: «Ты скоро меня позабудешь» (музыка Глинки), «Я все еще его, безумная, люблю» (музыка Даргомыжского) и др.

¹ Сочинения Ю. В. Жадовской, стр. 63.

Сергей Васильевич Максимов

Сергей Васильевич
МАКСИМОВ

(1831-1901)

Среди писателей-костромичей Сергей Васильевич Максимов занимает особое место. Это был писатель-этнограф, большую часть жизни посвятивший изучению занятий и быта населения своей великой страны и, в частности, родного костромского края. Он исходил и изъездил Россию вдоль и поперек, от Гродно до Тихого океана, от Архангельска до Каспийского моря, внимательным взором тонкого наблюдателя везде подмечая характерные детали жизни народных масс, без устали записывая народные песни, пословицы, «крылатые» слова и выражения.

С. В. Максимов родился 7 октября (25 сентября ст. ст.) 1831 года в посаде Парфентьеве, Кологривского уезда, Костромской губернии (теперь с. Парфеньево), в семье местного почтмейстера¹. Семья была большая. Она дала трех русских деятелей: один из братьев Сергея Васильевича, Николай Васильевич, был тоже писателем-этнографом, второй брат, Василий Васильевич, был выдающимся профессором хирургии. По некоторым данным, отец Максимова был человеком для своего времени передовым. Он был большим приятелем поэта-декабриста П. А. Катенина, который часто приезжал к парфентьевскому почтмейстеру в дни своей ссылки.

¹Дом Максимовых сохранился. Сейчас в нем помещаются начальные классы Парфеньевской средней школы.

На втором году жизни Максимов лишился матери. Детство его прошло в Парфентьеве, в лесной глуши, в тесном общении с природой и народом. Он рано познакомился с местными нравами и обычаями. Все мелочи быта посадской бедноты, отходников-«питерщиков» крепко запомнились впечатлительным мальчиком. С малых лет он полюбил народ, близко к сердцу принимал его интересы.

Начальное образование будущий писатель получил в посадском народном училище. Потом учился в Костромской гимназии, где был одним из лучших учеников. Максимов с благодарностью вспоминал впоследствии учителя русской истории и словесности в этой гимназии — Пермякова, горячего поклонника Белинского. Под его влиянием будущий писатель пристрастился к чтению. Большое влияние имел на него также писатель-костромич А. А. Потехин, преподававший тогда в старших классах гимназии.

В 1850 году, по окончании гимназии, Максимов поступил в Московский университет, на медицинский факультет. Учась в университете, он вошел в кружок «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Этому кружку Максимов обязан своим литературным воспитанием, здесь в будущем писателе окреп интерес к литературному творчеству и стремление к всестороннему изучению народного быта, здесь же Максимов познакомился и на всю жизнь подружился с А. Н. Островским.

Их сближала любовь к природе, к народу, к народному творчеству, к русскому языку. Впоследствии, живя в Петербурге, С. В. Максимов помогал А. Н. Островскому в издании его сочинений и даже вел их корректуру. Писатели часто переписывались между собой. Максимов навещал великого драматурга в Щелькове, участвовал с ним в рыбной ловле на речках Куекше и Мере. В конце своей жизни Сергей Васильевич написал интересные воспоминания об А. Н. Островском¹.

¹ С. В. Максимов. А. Н. Островский (По моим воспоминаниям), «Русская мысль», V, 1897.

В годы учения в университете у Максимова завязалось знакомство и дружба с другим писателем-земляком А. Ф. Писемским, тоже входившим в кружок «Москвитянина».

В 1852 году С. В. Максимов переехал в Петербург и поступил здесь в медико-хирургическую академию, но в 1855 году бросил учебу в ней, так как медицина мало привлекала его. В это время началась его литературная деятельность. Он стал писать очерки из народного быта. Первым из них, появившимся в печати в 1853 году, был очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». Этот очерк обратил на себя внимание И. С. Тургенева, который пригласил к себе молодого писателя, одобрил его очерки и посоветовал ему: «Ступайте-ка в народ, внимательно наблюдайте, изучайте его на месте, запасайтесь свежим материалом! У вас хорошие задатки... Дорога перед вами открыта». Следуя совету великого писателя, Максимов летом 1855 года отправился в пешеходное путешествие с этнографическими целями по Костромской, Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям. Результатом этого путешествия был ряд очерков, напечатанных в «Библиотеке для чтения» и других изданиях, составивших впоследствии книгу «Лесная глушь» (1871 г.). Известность Максимова как писателя растет.

В 1855—1856 годах он участвовал в экспедиции по изучению быта населения русского Севера. Полученные во время этой экспедиции материалы он положил в основу своей книги «Год на Севере» (2 тома, 1859 г.). В ней были даны не только картины быта, но и приведены образцы местного народного творчества. Эта книга считается одной из крупнейших работ по этнографии Севера России в XIX веке. За нее Максиму была присуждена Малая золотая медаль Русского географического общества. В последующие годы Максимов совершил путешествие на Дальний Восток, в Амурский край. На обратном пути в Сибири он изучал быт каторжных и ссыльных. Результатом этого путешествия были книги «Тюрьма и ссыльные» (1862 г.), «На востоке» (1864 г.), представляющие значительный исторический интерес. В 1862—1863 годах Максимов

посетил Юго-Восток России, изучал природу и быт жителей побережья Каспийского моря и реки Урала, в частности быт старообрядцев. В результате появились «Рассказы из жизни старообрядцев». В 1868 году он объездил Псковскую, Смоленскую губернии и Белоруссию. Свои впечатления и наблюдения во время этого путешествия он впоследствии обобщил в книге «Бродячая Русь» (1877 г.).

В 60-х годах у Максимова установилась дружеская связь с известным поэтом-демократом, издателем сатирического журнала «Искра», В. С. Курочкиным. Одно время они и жили вместе. Дружба с Курочкиным положительно сказалась на творчестве Максимова, хотя общественно-политические взгляды писателей значительно расходились.

В 70—80-х годах XIX века С. В. Максимов напечатал ряд книг («Куль хлеба и его похождения», «Сибирь и каторга» и др.), а также много очерков и статей о своих путешествиях. Свои наблюдения над языком народных масс и народным творчеством он обобщил в сборнике «Крылатые слова» (1891 г.). Этнографические работы Максимова были в свое время высоко оценены русскими научными и литературными кругами. В частности, великий русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин дал весьма положительный отзыв о сборнике «Лесная глушь». Он отнес Максимова «к числу лучших наших этнографов-беллетристов». «Драгоценнейшее свойство Максимова, — писал Михаил Евграфович, — заключается в его близком знакомстве с народом и его материальною и духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольною книгой для всех исследователей русской народности, наряду с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и других»¹.

В 1900 году С. В. Максимов за свои литературные труды был избран почетным академиком.

В последние годы своей жизни он часто навещал родные края: Кострому, Парфентьев, Галич, подолгу

¹ М. Щедрин, Полное собр. соч., т. VIII, Москва, 1937, стр. 464.

жил летом в сельце Ильинском (близ с. Свиньина), Галичского уезда, у своего друга Макарова. Умер он от туберкулеза горла 16 июня 1901 года в Петербурге. Похоронен на Волковом кладбище.

Обозревая свой жизненный и творческий путь, С. В. Максимов говорил: «Я в самом деле странствовал долго, забирался далеко, видел много и написал много. В деревню я унес свою любознательность, изучая беспомощную нищету, ласкавшую и любившую меня с малых лет». Писатель-этнограф, он изучал и описывал жизнь разнообразных социальных слоев населения царской России, но особенное внимание уделял быту крестьян и рабочих-отходников. Он старался узнать и сказать правду о их жизни. «Никогда я к ним, — говорил Максимов, — не подлаживался, не подлизывался — терпеть этого мужик не может, а всегда ладил с ними, узнавал, что мне требовалось».

Сергей Васильевич очень любил свой родной край, превосходно знал его, бывал почти во всех его уголках: и в Кологриве, и в Галиче, и в Чухломе, и в Буге, и в Судиславле—во многих селах и деревнях Костромской губернии. В последнее десятилетие своей жизни он буквально рвался на родину. В своем письме А. Н. Макарову от 3 января 1897 года он писал из Петербурга: «Во всяком случае рассчитываю... опять на целое уже лето забраться на родину, подышать свежей парфентьевской смолкой». 2 апреля того же года он снова пишет о поездке на родину, как о заветной мечте: «В конце мая тронусь через Рыбинск по Волге на Унжу, в Парфентьев... где ждут хорошие лесные места, с здоровым воздухом... а отсюда, укрепившись, надышавшись и отдохнув на живых воспоминаниях сладкого детства и светлой юности, — в июле, когда вдосталь просохнут дороги, перебраться под гостеприимный кров родного друга, под самый Галич». 29 июня того же года он сообщает своему другу: «Думаю, уже ничто не помешает выехать мне в среду 1 июля, направляясь из этой темной тюрьмы (Петербурга — В. К.), через Рыбинск на Кострому и оттуда в Галич. В Костроме думаю остановиться не дольше, как на двое суток, чтобы взглянуть,

несомненно, в последний раз в жизни на старое пепелище». И, находясь в Петербурге, он мечтает о родных местах. «Крутояр родной реки, вспоившей меня... (очевидно, имеется в виду р. Нея — В. К.) и Контеево на косогоре так и встают перед глазами», — пишет он Макарову 22 декабря 1898 года.

До последних дней своих Максимов собирает различные материалы о труде и быте своих земляков. Он просит Макарова: «Нельзя ли исподволь на досуге заняться записью плотничьих терминов, которые вы так хорошо знаете? Да и вообще походить около плотников, ведь ваши галичские — исторические герои и первые мастера дела на всей святой Руси». Он интересуется также местными памятниками старины, занимается их изучением. В одном из писем к Макарову в 1898 году он просит последнего заняться собиранием исторических материалов по Галичу. «Вы говорили мне, — пишет Максимов, — о каком-то своем знакомом в Галиче, любителе и знатоке старины, его нельзя ли будет приспособить».

С. В. Максимов был настоящим костромским краеведом. В своих очерках он сообщает много ценных сведений об экономике бывшей Костромской губернии, составе населения, его занятиях, развлечениях, дает различные типы костромичей. В этом отношении особенно интересными являются такие его очерки из сборника «Лесная глушь», как «Швецы», «Булыня», «Маляр» (из I-го тома), «Крестьянские посиделки», «Дружка», «Питерщик», «Грибовник» (из 2-го тома). В названных очерках дается подробное описание экономического положения, занятий, быта и культуры населения северной части Костромской губернии в 50-х годах XIX столетия, особенно посада Парфентьева и окрестных сел и деревень.

В очерке «Грибовник» Максимов с любовью описывает свою родину — Парфентьев, восхищается красотой местности, где он расположен, природой. «Подъезжая к Парфентьеву, оглянитесь, — пишет он, — много ли таких картинных местностей на Руси святой? Кругом обступили горы; посад действительно в ложбине. По горам стоят густые сухие леса, так называе-

мые «боры»... воздух весь пропитан ароматом окрестных сосновых лесов, весь наполнен смолкой, без малейших признаков присутствия болотных миазмов¹. С любовью говорит и об окрестностях Парфентьева: о селах Успенье-Нейском, Потрусове, Николе-Ширь, о реке Нее.

Но жизнь населения этой живописной местности оказывается резким контрастом с природой. Неоднократно писатель говорит о страшной бедности местного населения не только крестьянского, но и посадского. «Бедность жителей (Парфентьева), — читаем мы в очерке «Грибовник», — поражает всякого при первом взгляде: нет ни одного каменного дома, а большая часть деревянных прогнили до слез, покривились и полуразрушились. На слободку подле кладбища, отделенную от посада глубоким оврагом (и потому названную Завражьем), и глядеть больно... Наряд жителей до сих еще пор на большую часть шьется из домотканых материй... Не носят посадские лаптей только потому, что совестно это господам-мещанам, но окрестные крестьяне все сплошь обуты в дешевый продукт березового и липового дерева: в «шептуну» и лапти. Словом сказать — посадская бедность сквозит отовсюду». Здесь же дается характеристика сельского хозяйства в окрестностях Парфентьева: «овес, ячмень, рожь, лен, да и все тут... К тому же и то, что высевается, на шестой год, голодный, всегда не доходит, но и в счастливое время родится только сам 3-й, сам 4-й, отбивая от земли всякую надежду»².

Безысходная нужда заставляла парфентьевцев искать средств к существованию на стороне. Некоторые из них превратились в «кошкодавов», вынуждены были бродить по деревенским задворьям, воровать и убивать кошек, чтобы продать их шкуры. Эти шкуры шли на кожевенные заводы в дер. Шокшу (под Галичем). Шокша перерабатывала все это в ходовой товар. Другие парфентьевцы отправлялись «в Сибирь», то есть в Вятскую и Пермскую губернии, «коно-

1. С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 288—289.

2 Там же, стр. 290—291.

валить», а подчас и колдовать. Часть уходила в Питер на отхожий промысел. А многие занялись грибным промыслом: собирали грибы, сушили, солили и продавали скупщикам — судиславским торговцам на специальной грибной ярмарке в Парфентьеве 15 августа. «Сбором грибов, — пишет Максимов, — занимаются все, от мала до велика, с раннего утра, можно сказать, с первым лучом восходящего солнца, отправляясь в соседние боры. Самые искусные сборщики, если грибы появлялись поблизости, сходят в день раз до пяти и возвращаются обыкновенно очень поздним вечером»¹.

Но часто приходилось грибникам, даже дряхлым старухам, ходить за грибами за 10—15 верст. В очерке «Грибовник» дается тип такого парфентьевского грибownika Ивана Михейча, «испытанного знатока своего дела», который в течение более тридцати лет занимался грибным промыслом. На труде парфентьевских грибowników наживались судиславские купцы. Они скупали у парфентьевцев грибы за бесценок и сколачивали большие капиталы. Автор называет крупного судиславского купца Папулина, оборот от грибной торговли у которого достигал 150 000 рублей в год.

Так было в Парфентьеве, а в деревне было еще хуже. Положение костромского трудового крестьянства очень выразительно охарактеризовал Максимов в очерке «Питерщик» словами отца плотника Петрухи, из дер. Судомойки, которого отправляют в Питер на заработки: «Семья у нас и без того большая... Землицей нас мир обидел — сам ведаешь: отрезали, почесть, все песок для пожни-то, да и луга-то углом на свателовское болото вышли. Хоть волком вой, говядинки-то вот с рождества не видали. Ох, тяжело, Петрованушко, больно тяжело! И никак ты тут не приспособишься»².

Надо было кормить семью, надо оброк помещику и подушные платить. А где возьмешь, что продашь? В очерке «Булыня» Максимов рассказывает, как

¹ С. Максимов, Лесная глушь, том 2-й, стр. 298.

² Там же, стр. 170.

крестьянской нуждой пользовались «булыни» — торгашки. В летнюю горячую пору они привозили в деревню косы, серпы и продавали их в долг крестьянам, а осенью, используя их зависимость, скупали у них по мизерным ценам льняное волокно, пряжу, холсты, закабалая, таким образом, население. А когда случалось несчастье в крестьянской семье — умирал последний кормилец, то ничего не оставалось его вдове и сиротам, как идти по миру. Так случилось с матерью Петра Сычова (из очерка «Питершик»), когда умер его отец.

Бедность уживалась с невежеством и пьянством. Грамотный человек среди крестьян — диковинка. Таким, например, был Петр Сычов, который расписывался в почтовой конторе чуть ли не за всю вотчину. Болезни лечили деревенские знахарки, вроде тетки Матрены из очерка «Повитуха-знахарка», так как, хоть и был в городе лекарь, «с медяками-то ржавыми к нему не пойдешь». И вот идут к Матрене мужики и бабы больные. А она теплые хлебы накладывает больным на поясницу, и горшками накидывает, и дегтем с молоком поит, и над кровью нашептывает, и зубы заговаривает. Крестьяне верили и знахаркам, и колдунам. В кабаке же они старались забыть свое горе, пропивая последние гроши. В Парфентьеве было 12 кабаков и 6 трактиров, и по праздничным дням здесь «с избытком довольно и круто посоленной брани, и кровопролитных драк, и неугомонного, бесконечного буйства»¹.

Нужда заставляла и крестьян искать заработка на стороне. Некоторые из галичских мужиков на зиму превращались в швецов, то есть портных (очерк «Швецы»), и шли по деревням соседних уездов, шили полушубки, тулупы, кафтаны. А макарьевские и кологривские становились валяльщиками, катали по деревням валенки.

В очерке «Швецы» подробно описывается работа и быт швецов. И среди них были «хозяева», которые, беря на выучку крестьянских ребят из бедных семей,

¹ С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 299.

извлекали немалую выгоду для себя. Они заключали с родителями ребят такой словесный договор: «Как науку кончит — мне зиму должен служить, без платяжа, — на спасибо». Да и во время ученья хозяин «выезжал» на учениках, заставляя их работать не по силам, сидеть далеко за полночь. А если от переутомления кто-нибудь из них задремлет, будил такого плеткой. Ременная плетка с залитым на конце довольно большим куском вару составляла «необходимую принадлежность всякого швеца, который имеет учеников», — пишет Максимов.

В швецы уходила все-таки очень незначительная часть местного крестьянства. Большинство же мужского деревенского населения Галичского и Чухломского уездов тянулись, как выражается писатель, «прямо на запад и именно в Петербург, где в особенности много чухломского и галицкого люда: в десятичниках и плотниках, в малярах и стекольщиках, в каменщиках, печниках и штукатурах»¹. Больше всего среди «питерщиков» — маляров и плотников. «Маляры всей своей массой принадлежат Костромской губернии... на костромичей приходится 43 процента всех маляров столицы»². Много было плотников, причем плотники — по преимуществу галичане. «Питерщикам» этих двух профессий Максимов посвящает два своих лучших очерка: «Маляры» и «Питерщик». Они в некоторой степени напоминают очерк «Питерщик» А. Ф. Писемского. Да это и естественно: оба писателя говорили об одном и том же явлении (отходничестве), только в очерке Писемского — чухломские «питерщики», а у Максимова — галичские и кологривские. Но типы «питерщиков» у них взяты разные: Клементий у Писемского — подрядчик, а Петруха Корега («Маляр») и Петр Сычов («Питерщик») у Максимова — рядовые «питерщики».

Максимов очень подробно описывает, как крестьянских ребят снаряжали и отправляли в Питер. И сейчас трудно без волнения читать сцену проводов в Пи-

¹ С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 294.

² Там же, том 1-й, стр. 195.

тер двенадцатилетнего крестьянского парнишки Петруни в очерке «Маляр». Предстояла тяжелая и долгая дорога: добирались до Москвы «рысцей да пешечком», а оттуда в Петербург на чугунке в товарном поезде. Не сладка была жизнь «питерщиков» и в столице царской России, особенно на первых порах, когда они были учениками. Сколько издевательств и побоев приходилось испытывать от хозяев и подрядчиков! «Любил озорник-хозяин показать Петрухе, как колбасники щетину щиплют, и все, бывало, на его затылке упражняется, а то схватит за нос, либо за ухо да и спрашивает: «чей нос?» Тут, как ни ответишь, все неладно, надерет ухо до того, что слеза прошибет» («Маляр»)¹.

Работали «питерщики» артелями. «В галицкой плотничьей артели перепутались и галицкие, и костромские, и кологривские, и чухломские, и галицкая эта артель потому только, что галицких плотников больше числом». При этом костромичи и галичане держались дружно, но обособленно от выходцев из других губерний. Сложилась поговорка: «Костромичи — в кучу, галичане — в кучу, ярославцы — прочь»². Во главе стоял артельный. Работали с рассвета до сумерек, находясь в цепких лапах подрядчиков, из своих же земляков. В очерке «Питерщик» дан тип такого подрядчика — это Семен Иванович Торинский. Разбогатев, он стал постоянно жить в Петербурге, в квартире из трех комнат, «сшил себе до пят синюю суконную сибирку, завел пестрый бархатный жилет, шляпу... часы серебряные луковицей, при длинной бисерной цепочке». Он презрительно, надменно относился к своим рабочим и к приезжающим в Питер односельчанам, ловко эксплуатировал их.

А заработок «питерщика» иногда был такой, что ему не с чем было ехать домой.

Но ни бедность, ни тяжелый, изнурительный труд, ни гнет и издевательства со стороны хозяев больших и малых не могли подавить в костромском крестьяни-

¹ С. Максимов. Лесная глушь, том 1-й, стр. 141.

² Там же, том 2-й, стр. 184.

не его природного ума, бодрости духа, любви к песне, шутке, меткому слову. В очерке «Швецы» дан замечательный тип галичского швеца Тереха, который называет себя «галицким ершом» и дает такую характеристику своему хозяйству: «Теперь все и хозяйство, что вот есть на себе; во дворе скотины — таракан да луковица, а и медной-то посуды всего одна пуговица»¹. Тереха — талантливый, неугомонный шутник и рассказчик. Он знает огромное количество сказок, бывальщин, загадок и умеет их сочинять сам. В свободное от работы время, да и во время работы он развлекал этим и своих товарищей и крестьянскую семью, в которой приходилось работать. У него были загадки и пословицы на все: и на явления природы, и «на все то, что растет в лесу и любезно сердцу, от гриба до ягоды, и на то, что вызревает в огороде», и на предметы крестьянского обихода. Тереха никогда не падает духом и этим привлекает симпатии крестьян и крестьянок.

Другой тип талантливого самородка-костромича Максимов вывел в рассказе «Дружка» в лице «дружки» Фомки. Это настоящий деревенский артист. «Сказку ли смастерить на смех и горе, чтобы и страшная была и потешная, песню ли спеть, чтобы в слезы вогнать и кончить сиповатым пением старого петуха и кудахтаньем курочки; овцой проблеть, козелком вскричать и запрыгать сорокой; собаку соцкого передразнить и замычать соседской коровой; старой нищенкой попросить милостыни — всюду хватало мастера Фомку»². А в качестве «дружки» на свадьбах он не имел соперников. Он знал в совершенстве свадебные обряды, а его бойкие, остроумные «приговоры» на

¹ Н. А. Некрасов в своем стихотворении «Молодые» использовал один из вариантов этой, очевидно, распространенной в то время прибаутки. У Некрасова:

«Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!»

² С. Максимов. Лесная глушь, том 2-й, стр. 55.

«девишнике» и на свадебном пиру вызывали восхищение у всех.

Ценность рассказа «Дружка» заключается и в том, что здесь дается подробное описание свадебных обычаев, а также приводятся тексты свадебных песен и «приговоров», бытовавших в старой костромской деревне.

По тематике к этому рассказу близки очерки «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» и «Повитуха-знахарка». Первый из них целиком посвящен описанию зимних развлечений костромской крестьянской молодежи в середине XIX века. Рассказывается о так называемых «ссылках», «супрядках», «посиделках». Описываются песни, пляски, народный театр. В частности, воспроизводится очень популярная для своего времени инсценировка «Барин голый». В очерке «Повитуха-знахарка» речь идет о деревенских обычаях, связанных с рождением ребенка, здесь же мы находим тексты некоторых костромских народных песен, «заплачек», заговоров.

Во всех этих очерках есть еще много разнообразного местного этнографического и другого материала. Например, в очерке «Бульня» приводится местный народный календарь и описываются осенне-зимние занятия костромских крестьян и особенно крестьянок (деревенское ткачество). Из очерка «Сергач» узнаем, как развлекал публику в Бушневе (теперь Антроповского района) во время летнего праздника «Сергач» с медведем. В очерке «Грибовник» Максимов обращает внимание на долголетие некоторых парфентьевских жителей: ложковский старик, бывший посадский церковный староста Роман Абрамыч, умер ста десяти лет, его соседка ста двадцати двух лет. Здесь же он упоминает про луг близ Парфентьева, носивший название «Палачовки», так как, по преданию, эта земля когда-то принадлежала палачам и на палачей посадские люди эту землю возделывали¹. В том же очерке Максимов описывает дорогу от Костромы до

¹ Между прочим, этот луг, находящийся в 2 километрах от Парфентьева, сохранил свое название и до сих пор.

Парфентьева и попутно сообщает некоторые сведения о Судиславле, Галиче, называет многие села и деревни близ Парфентьева: Ложково, Свателово, Трифоново, Нечаево, Савино, Ефимово, Еремейцево и др.

Не все очерки Максимова в сборнике «Лесная глушь» равноценны. Есть среди них и слабые, малоценные как по содержанию, так и по форме. Язык очерков перегружен диалектизмами. А главное: писатель, сообщив горькую правду о тяжелом положении костромского крестьянства и «питерщиков», не показал виновников этого, не раскрыл глубоко классовых противоречий царской России, не указал выхода из положения. У него нет протестующих, борющихся крестьян. Не видно у него в очерках и главных эксплуататоров крестьянства — помещиков. Придерживаясь умеренных политических взглядов, находясь под влиянием славянофильства, он идеализировал старый, патриархальный уклад жизни крестьянства, идеализировал и артель отходников-«питерщиков».

Несмотря на это, очерки С. В. Максимова не утратили своего значения до сих пор. Они дают богатый материал о прошлом нашей Родины, в частности Костромской области, проникнуты глубокой любовью к природе, великому русскому народу, к его труду, творчеству, языку. От них веет чем-то родным — свежим запахом костромских лесов, просторами полей и лугов. Вместе с тем эти очерки, наряду с произведениями Писемского, дают яркую картину костромской деревни, какой она была сто лет тому назад, и, сравнивая прошлое с настоящим, каждый читатель может видеть колоссальные перемены, происшедшие в нашей стране в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Эти перемены не обошли и Парфентьев. Из захудалого, крайне бедного, заброшенного посада он превратился в административный центр одного из районов Костромской области, в центр культуры, где есть и средняя школа, и больница, и Дом культуры, и своя газета, есть электричество и радио. Неграмотность в Парфентьевском районе давно ликвидирована. Не только в Парфентьеве, но

и в селах и деревнях района сейчас немало людей с высшим образованием из среды местного населения. Крестьяне, колхозники Парфеньевского района, работают не на помещиков, не на торгашей — «бульнь», не на подрядчиков, а на себя и свое родное Советское государство.

Большую ценность для всех советских людей представляет книга Максимова «Крылатые слова». Недаром Государственное издательство художественной литературы переиздало ее в 1955 году стотысячным тиражом.

Эта книга проникнута горячей любовью к родному русскому языку, к живой народной речи. Здесь мы найдем не только объяснения многим поговоркам и ходячим выражениям, которыми и сейчас пользуемся, но узнаем и их происхождение. На самом деле, громадное большинство русских людей, в том числе и костромичей, употребляет в своей речи такие выражения, как «спустя рукава», «за пояс заткнуть», «пускать пыль в глаза», «собаку съел», «впросак попасть», «на нашей улице праздник» и др. А откуда они взялись и что первоначально обозначали, почти никто не знает. Максимов в своей книге подробно говорит об этом. Происхождение некоторых «крылатых слов» и выражений он объясняет на местных примерах, сообщая много интересных сведений о быте населения. Например, при объяснении выражения «на нашей улице праздник» Максимов рассказывает, как справлялись в 40-х годах XIX века уличные праздники в Галиче.

«В моей детской памяти, — пишет Максимов, — запечатлелось необычайное повседневное безлюдье в городе, не исключая всегда шумливой рыночной площади, и припоминаются теперь огромные толпы народа, сгрудившиеся на одной улице, главной и трактовой, называемой Пробойною (одна из главных улиц в Галиче, теперь ул. Луначарского. — В. К.). Почтовый ящик не решился по ней ехать и свернул в сторону, зная, что Пробойная на этот день принадлежит празднику. Большие неприятности и очень тяжелые последствия ожидали бы того смельчака, который рискнул

бы расстроить налаженные хороводы и другие игры. Вся Пробойная превратилась в веселый и оживленный бал, резвернувшийся во всю ширину и длину ее... Несколько хороводов кружились в разных местах чопорно и степенно, по-городскому с опущенными глазами, с подобранными сердечком губами, выступая в середине густой стены из добрых молодцев, еще в длинных на тот раз сибирках... Все девушки вертелись в кругу с лицами, закрытыми белыми фатами, в бабушкиных, шитых позументами и униженных каменьями, головных повязках и надглазных понизях или рясках, в коротеньких со сборами парчовых безрукавных телогреях... Веселились собственно на том и другом конце, где большие и малые играли в городки, или чурки»¹.

При объяснении выражения «подкузьмить и объегорить» Максимов сообщает ценные подробности из быта старой костромской деревни. Оказывается, «с древнейших времен вешний Егорий (церковный праздник — 23 апреля ст. ст. — В. К.) считался начальным сроком торговцев для разного рода сделок и всякого рода наймов». Используя тяжелое положение крестьянской бедноты в голодное весеннее время, местные кулаки и торговцы нанимали в это время за бесценок работников, «объегоривали» своих земляков². Конечно, не все в этой книге бесспорно. Есть ряд ошибочных и устаревших толкований, сказывается и ограниченность социально-политических взглядов Максимова, но в целом «Крылатые слова» и сейчас представляют значительный интерес для широкого круга советских людей, содействуют повышению культуры нашей речи.

Советские люди дорожат памятью писателя, который так много труда посвятил изучению и описанию жизни трудящихся нашей Родины в прошлом, который крепко верил в творческие силы великого русского народа.

¹ С. Максимов. «Крылатые слова», ГИХЛ, М., 1955, стр. 21—22.

² Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Костромская область и русская литература	3
А. О. Аблесимов	23
П. А. Катенин	29
А. Ф. Писемский	49
Ю. В. Жадовская	71
С. В. Максимов	83

Оформление художника

В. Смирнова

*

Касторский Василий Васильевич
ПИСАТЕЛИ-КОСТРОМИЧИ XVII — XIX ВВ.

*

Редактор *С. Поясов*

Художественный редактор *Р. Пахолок.*

Техн. редактор *Н. Требухов.*

Корректор *Э. Тропинова*

*

Сдано в производство 21/XII-1957 г.

ЗИ 01109. Подписано к печ. 6/V-1958 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{2} = 1,56$ бум. л. — 5,12 печ. л.

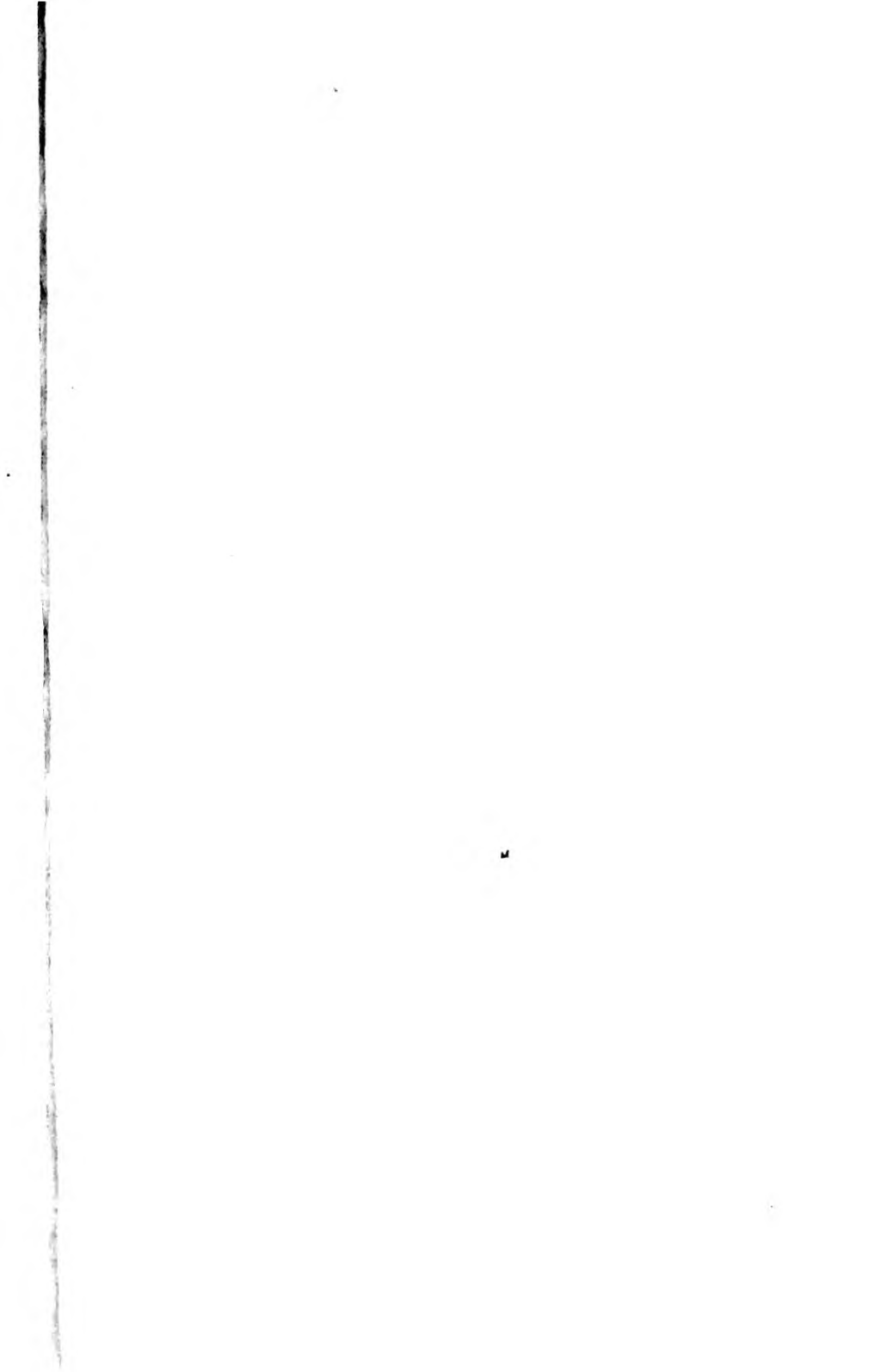
Уч.-изд. л. — 4,57. Авт. л. — 4,275. Тираж 5000

Цена в переплете 3 р. 15 к.

*

Кострома, тип. им. М. Горького.

Зак. 6593

Цена 3 руб 15 коп.